

Каждый новый
роман Робин Хобб —
это повод для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН,
автор «Игры престолов»

Город Драконов

ХРОНИКИ
ДОЖДЕВЫХ ЧАЩОБ

Книга 3

РОБИН ХОББ

Звезды новой фэнтези

Робин Хобб

Город драконов

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хобб Р.

Город драконов / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2012 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-19058-0

Долгий и трудный путь остался позади. Драконы и их хранители нашли легендарную Кельсингру, город, где некогда жили бок о бок Старшие-Элдерлинги, люди и драконы. Чудеса и сокровища Кельсингры ждут на другом берегу широкой и бурной реки, через которую не так-то просто переправиться. Лишь дракону под силу пересечь эту пропасть, но большинство драконов не умеют летать. Капитан Лефтрин отправляется вниз по течению, чтобы согласно уговору потребовать плату за то, что он и хранители увели драконов из Кассарика. Но капитан знает: в Совете торговцев есть предатели, польстившиеся на деньги Калсиды. Враги хотят добыть кровь и плоть драконов для исцеления калсидийского герцога, и они не остановятся ни перед чем.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-19058-0

© Хобб Р., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Пролог. Тинталья и Айсфир	6
Глава 1. Герцог и пленник	12
Глава 2. Битва драконов	18
Глава 3. Пути-дороги	35
Глава 4. Кельсингра	51
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Робин Хобб

Город драконов

Robin Hobb
City of Dragons

© 2012 by Robin Hobb

© Т. Л. Черезова, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Рыжей Курочке

Пролог. Тинталья и Айсфир

Тинталья легко парила в воздушных потоках, плотно прижимая лапы к туловищу и широко расправив крылья. Ее колеблющаяся тень скользила по волнистому песку пустыни, словно некое змееподобное существо с крыльями летучей мыши и длинным чешуйчатым хвостом. Удовлетворенное урчание рождалось глубоко в горле Тинталья, довольной нынешним днем. Они с Айсфиром славно поохотились на рассвете. Сперва убивали животных, преследуя, как всегда, каждый свою добычу, а затем устроили пир и хорошенько выпались. Теперь же два дракона, все еще перемазанные кровью и потрохами жертв, стремились к иной цели.

Впереди и чуть ниже Тинталья блестел темный силуэт Айсфира. Он изогнулся, перемещая центр тяжести, чтобы поймать и оседлать ветер. Айсфир был более длинным, тяжелым и мощным, чем Тинталья. И если ее похожая на перья чешуя отливала искрящейся синевой, то он был абсолютно черным. Айсфиру пришлось дорого заплатить за долгое заточение во льдах, на исцеление его тела потребовались годы.

На толстых перепонках между костями больших крыльев Айсфира все еще зияли прорехи. Менее значительные раны уже давно затянулись, но разрывы на крыльях заживали намного медленнее, а выпирающие шрамы от них останутся навсегда. «В отличие от моего собственного лазурного совершенства», – подумала Тинталья и восхищенно покосилась на свои сверкающие крылья.

Словно почувствовав, что подруга не смотрит на него, Айсфир заложил крутой вираж и начал снижаться кругами. Тинталья знала, куда они летят. Неподалеку над песком возвышалась скалистая гряда. Чахлые деревца и серо-зеленый кустарник покрывали зазубренный хребет и неровные впадины. А перед этими скалами в просторном песчаном бассейне прятался оазис, окруженный редкими деревьями. Вода поднималась из недр земли и наполняла широкую спокойную заводь. Даже зимой в этом углублении сохранялось дневное тепло.

После полудня они собирались от души поплескаться в нагретой солнцем воде оазиса: выкупаться, отмыть кровь со шкур, а затем покататься по жесткому песку, тщательно полируя чешуйки. Драконы хорошо знали это место. Их охотничьи угодья простирались очень далеко по всей округе, но примерно раз в десять дней Айсфир снова приводил их сюда. Он утверждал, что сохранил воспоминания об оазисе со времен своей далекой молодости.

Когда-то здесь находилось поселение Старших, или, как их еще называли, Элдерлингов, которые заботились о драконах, частенько прилетающих к ним в гости. Сегодня от тех белокаменных зданий и бережно выращенных виноградников ничего не осталось. Наползающая пустыня поглотила их город, но оазис сохранился. Тинталья предпочла бы улететь дальше на юг, в пустыню из красного песка, куда никогда не приходит зима, но Айсфир отказался наотрез. Подозревая, что у него попросту не хватает выносливости для столь длительного перелета, Тинталья не раз подумывала о том, чтобы оставить своего спутника здесь, а самой продолжить путь. Но ее пугала перспектива вновь оказаться одной: она и без того слишком много времени провела в полной изоляции, в плену кокона, чтобы вновь остаться без общения с себе подобными, пусть даже и с таким своенравным и язвительным драконом, как Айсфир.

Он летел низко, почти скользя по раскаленной поверхности пустыни. Редкие мощные взмахи крыльев направляли полет и расшвыривали песок в разные стороны. Тинталья копировала его движения, оттачивая свое мастерство: тут есть чему поучиться. При всех своих многочисленных недостатках Айсфир был истинным повелителем воздуха.

Они следовали контурам ландшафта. Тинталья знала, что задумал ее спутник: бреющий полет приведет их к краю котловины, затем последует безумное скольжение вниз вдоль песчаной дюны, и в конце концов они оба с распростертыми крыльями окунутся в неподвижную, нагретую солнцем воду, подняв целые фонтаны брызг.

Драконы проделали уже половину пути вниз по склону, когда песок у верхнего края котловины внезапно взорвался. Служившие укрытием холстины были отброшены в сторону, и на их месте выросли шеренги лучников. Туча стрел роем полетела в драконов, с грохотом задевая их бока и крылья. К тому времени драконы летели уже слишком близко к земле и не могли снова набрать высоту. Айсфир, достигнув воды, чиркнул по ее поверхности крылом и развернулся. Следовавшая за ним Тинталя не успела ни свернуть, ни остановиться. Она врезалась в Айсфира, и, как только их крылья и лапы перепутались на теплом мелководье, копейщики покинули свои укрытия и атаковали драконов, словно армия муравьев. Позади них поднялись еще какие-то люди и бросились вперед, держа наготове тяжелые сети из толстых веревок и цепей.

Резким движением, совершенно не беспокоясь о том, что может навредить ей, Айсфир высвободился и оторвался от Тинталы. Он выскочил из озера и накинулся на людей, втапывая их в воду. Копейщики попытались убежать, но он раздавил часть их мощными задними лапами, потом развернулся и, махнув длинным хвостом, сбил еще нескольких.

А затем ошеломленная Тинталя, все еще барахтавшаяся в воде, увидела его распахнутую пасть. За рядами блестящих острых белых зубов мелькнули алые с оранжевым пазухи, наполненные ядом. Айсфир повернулся к нападающим и с шипением и ревом выпустил алое отравленное облако. Едва оно накрыло людей, как к синей чаше неба взметнулись отчаянные крики.

Кислота разъедала их плоть. Кожаные и металлические доспехи не могли защитить от нее, разве что слегка замедляли пагубное действие яда. Капли его падали на землю, легко проходя сквозь человеческие тела, оставляя дыры в коже, мясе, костях и внутренностях, и с шипением впитывались в песок. Некоторые умирали мгновенно, но таких было не много.

Засмотревшись на Айсфира, Тинталя потеряла бдительность – ее накрыла сеть. Каждый узел утяжеляли свисающие куски свинца, да к тому же в веревки были вплетены тонкие и толстые цепи, некоторые из них – с зазубренными крюками. Сеть скрутила и спутала крылья Тинталы, и, как только драконица отчаянно забила передними лапами, они запутались тоже. Тинталя яростно взревела и, когда копейщики вошли на мелководье возле берега, почувствовала, что ее собственные железы с ядом тоже набухают. Она краем глаза увидела, что лучники натягивают тетивы, готовясь дать запоздалый залп вниз вдоль песчаного склона.

Драконица дернулась, когда копье попало в уязвимое место между чешуйками за ее передней лапой, в нежную область возле груди. Оно не проникло глубоко, но Тинталя до этого прежде никогда не ранили. Она повернулась, рыча от боли и гнева, и яд облаком вырвался из ее пасти вместе с криком. Копейщики в ужасе опрокинулись назад. Ядовитые пары осели на сеть, ослабив веревки и цепи: они все еще опутывали драконицу, но теперь она, по крайней мере, могла двигаться. Ярость охватила ее. Неужели люди осмелились напасть на драконов?

Тинталя выбралась из воды и кинулась в гущу воинов, разрывая их когтями и хлеща хвостом, и каждый ее крик ярости сопровождало облако яда. Скоро пронзительные вопли гибнущих людей заполнили воздух. Смотреть на Айсфира не было нужды: она и так слышала звуки бойни, которую он устроил.

Стрелы вновь простучали по ее телу и больно ударили в крылья. Тинталя взмахнула ими, сбив около дюжины человек, и отбросила последние куски сети. И, тут же почувствовав горячий укус стрелы под левым крылом, сложила их обратно, слишком поздно осознав: люди только того и добивались, чтобы она открыла свои уязвимые места, подставив под удар более нежную плоть. Но, складывая крыло, драконица только еще глубже затолкнула в рану древко стрелы. Тинталя взревела от боли и развернулась снова, взмахнув хвостом. Она мельком увидела Айсфира, челюстями схватившего человека и поднявшего его в воздух. Визг умирающего вознесся над другими звуками боя, когда дракон разорвал его тело пополам. Крики

ужаса из более отдаленных человеческих рядов услаждали слух Тинталы, и она вдруг поняла, чего хочет ее спутник.

До нее донеслась посланная им мысль:

Страх не менее важен, чем смерть. Их нужно хорошенько проучить, чтобы впредь и думать боялись о нападении на драконов. Некоторым надо дать сбежать, пусть расскажут своим обо всем, что тут произошло. – А затем Айсфир добавил, мрачно и резко: – Но уцелеть мы позволим лишь немногим!

Да, немногим, – согласилась Тинталь и выбралась из воды.

Ринувшись к людям, которые собрались здесь, чтобы убить ее, она принялась разбрасывать их в стороны своими когтистыми передними лапами с такой же легкостью, с какой кошка разматывает клубок ниток. Она хватала их, отрывала ноги и руки, наносила увечья, но не убивала. Драконица высоко подняла голову, а затем резко подалась вперед, с шипением выдохнув ядовитую кислоту. Человеческая стена перед нею плавилась, превращаясь в месиво из костей и крови.

День уже клонился к вечеру, когда два дракона описали последний круг над землей. Уцелевшие воины в беспорядке, словно испуганные муравьи, бежали к поросшей кустарником гряде.

Пусть разнесут весть повсюду! А мы, пока мясо не протухло, вернемся к оазису, – предложил Айсфир.

Он лениво наклонил крылья, прекращая преследование врагов, и Тинталь сделала то же самое.

Она была не против отдохнуть. Копье выпало из раны, которую проделало в ее шкуре, но стрела с другой стороны осталась. И это очень беспокоило Тинталь: как бы не вошла глубже. В момент затишья, когда в битве наступила недолгая передышка, драконица попыталась вытащить стрелу, но сделала только хуже. Стрела сломалась, а оставшийся обломок был слишком коротким, чтобы Тинталь могла схватить его зубами. Пытаясь его подцепить, она лишь вогнала стрелу глубже. С каждым взмахом крыльев Тинталь чувствовала, как деревянное древко и металлический наконечник вонзаются в ее плоть.

Сколько было нападавших? – поинтересовалась она.

Сотни. Да какая разница? Они не убили нас, а те, кому мы позволили сбежать, расскажут соплеменникам, что глупо было даже пытаться одолеть драконов.

Но почему они вообще напали на нас?

Подобное поведение не вписывалось в ее опыт общения с людьми. Те, с кем Тинталь прежде приходилось встречаться, всегда восхищались ею, предпочитая служить драконице, а не ссориться с ней. Некоторые, правда, пытались бросить ей вызов, пищали что-то о неповиновении, но она всегда находила способ держать их в узде. Тинталь и раньше приходилось сражаться с людьми, но те никогда не устраивали на нее засаду.

Она убивала калсидийцев только потому, что выбрала себе в союзники торговцев Удачного, уничтожая врагов местных жителей в обмен на их помощь змеям, которые должны были преобразиться в драконов. Может быть, сегодняшнее нападение связано с этим? Да нет, вряд ли. Люди такие недолговечные. Способны ли они на столь расчетливую месть?

Айсфир рассуждал проще:

Они напали на нас, потому что они – люди, а мы – драконы. Большинство двуногих ненавидит нас. Некоторые лицемерно поклоняются нам и приносят дары, но за их лестью и раболепием кроются совсем иные чувства. Никогда не забывай об этом. В этой части мира люди с незапамятных времен ненавидели нас. Еще до того, как я стал драконом, они травили собственные стада медленным ядом, чтобы убить нас.

Они хватали и пытали наших слуг Элдерлингов в надежде узнать секреты и использовать их против нас. Чтобы ослабить драконов, люди рушили наши твердыни и каменные столпы, с помощью которых Старшие путешествовали. А тех нескольких драконов, кого им удалось убить, люди разделили как скот, используя нашу кровь и мясо в качестве снадобий для своих немощных тел.

Я не помню ничего подобного. – Тинталя тщетно рылась в памяти предков.

Похоже, ты вообще многого не помнишь. Думаю, ты слишком долго была заключена в кокон, и это повредило твой разум и лишило существенной части знаний.

Тинталя ощутила вспышку гнева. Айсфир часто говорил ей подобные вещи, и обычно после этого драконица намекала, что он сам слегка свихнулся после долгого заточения во льдах. Но сейчас она подавила ярость: необходимо узнать больше. Да и стрела в боку беспокоила ее.

И что же случилось потом?

Айсфир повернул к Тинталье голову на длинной шее и злобно посмотрел на нее:

А что могло случиться? Ясное дело, мы их уничтожили. Люди и без того достаточно невыносимы. Не хватало еще позволять им думать, будто они могут противостоять нашим желаниям.

Драконы приблизились к источнику в сердце оазиса. Человеческие туши были разбросаны повсюду на песке, и, спускаясь вдоль склона, Тинталя и Айсфир словно бы погружались в пруд из крови, такая густая вонь стояла вокруг. Под лучами вечернего солнца трупы уже начали разлагаться.

После того как поедим, надо улететь подальше и найти чистое место для сна, – объявил черный дракон. – Нам придется какое-то время не навещать оазис, пока шакалы и вороны не уничтожат всю падаль. Здесь слишком много мяса для одного ужина, а люди быстро портятся.

Он забрался в озеро, на поверхности которого до сих пор покачивалось несколько человеческих тел. Тинталя последовала за ним. Поднятые ими волны все еще очищали берег, когда Айсфир вытащил первый труп из воды.

Избегай тех, кто заключен в металл, – посоветовал он подруге. – Лучшие выбирай лучников, обычно они носят простую кожу.

Дракон разорвал тело пополам и поймал одну его часть, прежде чем она успела упасть в воду. Он подбросил половину туши в воздух, а затем схватил ее челюстями, наклонив голову, и проглотил. Другая половина с плеском упала и утонула в озере. Айсфир выбрал другого воина, ухватив его за голову и раздробив тело мощными челюстями, прежде чем проглотить целиком.

Тинталя выбралась из грязной воды и молча смотрела на него.

Люди быстро портятся. Надо есть прямо сейчас.

Я никогда не пробовала человечину. – Тинталя ощущала легкое отвращение. Она и раньше убивала людей, но сроду не прикасалась к их мясу. Почему? Теперь это даже показалось ей странным.

Тинталя подумала о людях, которых одарила своей дружбой. Рэйн, Малта и Сельден, ее юный певец... Она открыла им путь Старших, но потом нечасто вспоминала всех троих. Сельден... Мысль о нем вызвала искорку радости.

Теперь в мире был певец, знающий, как должно славить дракона. Этих троих она выбрала и сделала своими Старшими. Наверное, они не такие, как те, кто напали на них сегодня. Если бы кто-нибудь из Старших умер, а она оказалась бы поблизости, то непременно съела бы тело, чтобы сохранить их воспоминания.

Но есть других людей? Айсфир прав: это просто мясо. Тинталя двинулась вдоль берега и выбрала тело, настолько свежее, что оно еще истекало кровью. Драконица разделила его на две части, ощутив языком кости и кожу, и прожевала несколько раз, прежде чем проглотить.

Ну что же, все правильно: мясо есть мясо, а после схватки Тинталя порядком проголодалась.

Айсфир ел, стоя на одном месте, передвигаясь в сторону лишь на пару шагов и протягивая шею за добавкой, недостатка в которой не наблюдалось. Тинталя же была более разборчивой. А ведь ее спутник прав: человечина очень быстро начинает портиться – от некоторых трупов уже разлило разложением. Она выискивала тех, кто скончался совсем недавно, и отбрасывала с пути уже начинающие коченеть тела.

Тинталя как раз ворошила очередную грудку мертвецов, когда один из них вдруг издал низкий вопль и попытался отползти от нее подальше. Человек был молодым и тщедушным, с ногами, частично разъеденными драконьим ядом. Хныча от боли, юноша продолжал ползти в сторону. И только когда Айсфир, привлеченный странными звуками, приблизился, чтобы узнать, в чем дело, мальчишка заговорил.

– Пожалуйста! – взмолился он, и голос его тут же сорвался на ребяческий писк. – Прошу вас, не убивайте меня! Мы не хотели нападать на вас – ни я, ни мой отец. Это все они, они нас заставили! Люди герцога забрали моего старшего брата, мать и двух сестер. Нам пригрозили, что если мы не станем вместе со всеми охотиться на вас, то наш дом сожгут, а весь наш род уничтожат под корень. У нас просто не было выбора. Мы не хотели причинять вам вреда, о прекраснейшие и мудрейшие драконы!

– Как-то ты припозднился со своими восхвалениями, – хмыкнул Айсфир, которого немало позабавила подобная попытка очаровать их.

– И кто же захватил твоих родичей? – полюбопытствовала Тинталя.

Яд развел ногу юноши до самой кости. Человек был обречен.

– Люди герцога, властителя Калсиды. Они велели нам добыть для него частичку дракона. Герцог тяжело болен, и ему необходимо чудесное снадобье. Нам сказали, что, если мы доставим кровь или плоть дракона – например, печень или глаз, – герцог озолотит нас. А если мы откажемся, то... – Молодой человек перевел взгляд на свою ногу. Какое-то время он пристально рассматривал ее, а потом выражение его лица вдруг резко изменилось. Он поднял взгляд на Тинталя и заключил: – Да не все ли равно. Мы так и так уже мертвы.

– Это правда, – ответила Тинталя.

Но прежде, чем смысл ее слов успел дойти до сознания юноши, Айсфир склонил к несчастному свою голову, и его челюсти сомкнулись вокруг туловища калсидийца. Все произошло мгновенно, со скоростью змеиного броска.

Свежее мясо вкуснее. Незачем ждать, пока труп этого человека начнет разлагаться, подобно другим.

Черный дракон вскинул голову, заглатывая останки мальчишки, а затем перешел к следующей грудке тел.

Двадцать девятый день месяца Тишины, седьмой год Вольного союза торговцев

От Рейала, исполняющего обязанности смотрителя голубятни в Удачном, – Киму, смотрителю голубятни в Кассарике

Мое почтение, Ким!

Мне было поручено передать тебе жалобы, поступившие от нескольких наших клиентов. Они утверждают, что якобы обнаружили на конфиденциальных посланиях следы постороннего вмешательства, хотя восковые пробки на футлярах и остались нетронутыми.

В двух случаях на строго конфиденциальных свитках треснули восковые печати. В третьем же внутри футляра были найдены кусочки восковой печати, а свиток с сообщением был закручен криво, как будто кто-то открыл футляр, прочитал послание, а затем вернул его на место, заново запечатав особым воском, которым пользуются смотрители голубятни. Эти

жалобы поступили независимо от трех разных торговцев, и речь в них идет в том числе и о письмах некоего Кандрала из Кассарика.

Никакого официального расследования пока не проводилось. Я уговорил всех подавших жалобы сначала позволить мне связаться с тобой. Предлагаю тебе поговорить с торговцем Кандралом и попросить его показать свою печать и материал, который он применяет для запечатывания посланий. Мы все – как я сам, так и мои наставники здесь, в Удачном, – от души надеемся, что виной всему использование некачественного, старого или слишком хрупкого воска, а вовсе не непорядочность смотрителей голубятни. Тем не менее настоятельно советуем тебе внимательно присмотреться ко всем ученикам, поступившим на работу в прошлом году.

Поверь, нам очень неприятно писать тебе это, и мы уповаем на то, что ты поймешь все правильно. Мой наставник просит передать, что абсолютно уверен в честности смотрителей голубятни в Кассарике и с нетерпением ждет, когда досадное недоразумение разъяснится.

Надеюсь на скорейший ответ,

Рейал

Глава 1. Герцог и пленник

– Мы до сих пор не получили никаких известий, о величайший из величайших. – Посланник, преклонивший колени перед герцогом, с трудом сдерживал дрожь в голосе.

Герцог восседал на троне, опираясь на подушки, и наблюдал за гонцом. Лучшее, на что мог надеяться человек, принесший дурные вести, – это порка. А уж сейчас, когда речь шла о жизни и смерти властителя Калсиды, положение было и того серьезнее. Герцог ждал, что выдержка изменит гонцу.

Однако стоявший на коленях мужчина не поднимал глаз, упрямо вперившись взглядом в пол. Что ж, этот посыльный и раньше отправлялся на свидание с плеткой. Он знал, что придется пережить очередную порку, и заранее смирился со своей участью.

Герцог слегка повел пальцем – полноценное движение отнимало слишком много сил. Но его канцлер научился различать самые слабые знаки правителя и молниеносно на них реагировать. Он, в свою очередь, более выразительным жестом велел стражнику вывести посланника из зала.

Перестук легких сандалий гонца вплетался в глухой топот сапог стражников, спешно исполнявших приказ. Никто не решался произнести ни слова. Канцлер снова повернулся к герцогу и низко согнулся, коснувшись лбом коленей. Затем он медленно опустился на колени и наконец набрался смелости посмотреть на сандалии герцога.

– Я глубоко сожалею, что нам нечем тебя порадовать.

В тронном зале воцарилась тишина. Грубый камень, из которого были сложены стены огромного помещения, напоминал всем посетителям, что когда-то это место было частью крепости. С арочного потолка, выкрашенного в синий цвет полуночи, смотрели застывшие навеки звезды. Из прорезей высоких окон открывался вид на раскинувшийся вокруг город.

Во всей Калсиде не было ни единого строения выше цитадели герцога на холме. Когда-то на вершине стояла крепость, и под защитой ее стен круг черных камней, средоточие мощной магии, тянулся к небу. Люди до сих пор рассказывали сказки и легенды о том, как эти камни были повалены, а их злая сила побеждена.

Эти самые гигантские камни – с отчасти стертыми временем, а отчасти намеренно сбитыми с их поверхности древними рунами – теперь лежали вокруг герцогского трона, вровень с окружающими их серыми плитами пола. Черные камни указывали направления пяти сторон света. Согласно молве, под каждым из них имелась квадратная яма, где в древности заживо погребли врагов Калсиды, владевших магией. Расположившийся в центре трон напоминал всем, что герцог восседал там, где в былые времена нога человека не ступала без страха.

Герцог разомкнул губы, и паж, державший чашу с прохладной водой, мгновенно вскочил, метнулся вперед, упал на колени и протянул ее канцлеру. А тот, также передвигаясь на коленях, приблизился к властителю и поднес чашу к его губам.

Правитель Калсиды склонил голову и отпил воды. Когда он оторвался от чаши, еще один слуга возник поблизости и подал канцлеру лоскут мягкой ткани, чтобы тот мог промокнуть лицо и подбородок герцога.

Герцог позволил канцлеру вернуться на место. Теперь, утолив жажду, он был готов говорить.

– Значит, Эллик, до сих пор нет никаких известий от тех, кого мы отправили в Дождевые чащобы?

Канцлер сгорбился пуще прежнего. Подол одеяния из тяжелого красно-коричневого шелка лужей распластался вокруг него. Сквозь редеющие волосы виднелась кожа головы.

– Нет, наипрославленнейший. Со стыдом и великой грустью я вынужден сообщить тебе, что никаких известий от них пока не поступало.

– Стало быть, нельзя ожидать и скорого прибытия драконьей плоти или крови, так? – Герцог и сам прекрасно знал ответ, но пожелал принудить Эллика его озвучить.

Голова канцлера опустилась почти до самого пола.

– О, блистательный, к своему стыду и смятению, должен признать, что до нас пока что не дошло известий о поставках подобного рода.

Герцог какое-то время обдумывал сложившееся положение вещей. Ему было слишком тяжело держать веки полностью открытыми, да и громкая, отчетливая речь требовала невероятных усилий. Многочисленные золотые кольца, обильно украшенные драгоценными камнями, едва держались на его костлявых пальцах, и руки его с трудом могли подняться под их тяжестью. Роскошная мантия не скрывала чрезмерную худобу властителя Калсиды. Он чахнул с каждым днем, он умирал, а все вокруг смотрели на него в ожидании. Он должен был подобающим образом ответить Эллику, ни в коем случае нельзя демонстрировать придворным слабость.

– Так сделай что-нибудь, чтобы изменить положение к лучшему, – тихо произнес он. – Разошли гонцов ко всем возможным торговым партнерам, о которых нам известно. Отправь им особые дары, побуди их быть беспощадными. – Он не без труда вскинул голову и повысил голос: – Полагаю, Эллик, не стоит лишний раз напоминать, что если я умру, то и тебя похоронят вместе со мной?

Его слова должны были прозвучать грозно, заполнить весь зал, но вместо этого он услышал лишь то, что слышали его слуги – раздраженный вскрик старого, умирающего человека. Недопустимо, чтобы такой властитель, как он, не имел престолонаследника! Герцог сейчас вовсе не должен был говорить сам, пусть бы его преемник и законный представитель кричал на придворных, принуждая их к немедленному повиновению. Вместо этого ему приходится чуть ли не шептать угрозы, шипеть, словно старая беззубая змея.

Как же до этого дошло? А ведь у него были сыновья – и много, даже слишком много. Некоторые оказались настолько честолюбивыми, что попытались свергнуть отца. Кого-то он отправил на войну, кого-то в пыточные застенки – за непочтительность. Несколько благоразумно отравил. Эх, если бы он знал, что болезнь унесет не только выбранного им наследника, но и последних троих сыновей, то, возможно, сохранил бы еще кого-нибудь про запас... Но кто же думал, что все так обернется?!

И теперь он остался лишь с одной-единственной никчемной дочерью: тридцатилетней, бездетной, обладающей мужскими повадками и таким же складом ума. Трижды вдова, не способная дать ребенку жизнь. Женщина, читающая книги и сочиняющая стихи. Абсолютно бесполезная для него и, пожалуй, даже опасная ведьма. А в его собственном теле больше не осталось силы, чтобы сделать ребенка какой-нибудь женщине.

Нет, это невыносимо. Он не может умереть, не оставив наследника, чтобы имя его обрелось в прах на жерновах истории. Пусть ему доставят чудесное снадобье – драконью кровь, которая вернет ему здоровье и мужскую силу. Тогда он обзаведется дюжиной наследников и предусмотрительно оградит их от всех возможных несчастий.

Кровь дракона. Такое, казалось бы, простое лекарство, однако никто до сих пор не смог добыть его.

– Если мой господин умрет, горе мое будет так велико, что лишь погребение вместе с ним сможет успокоить меня, о милосерднейший.

Льстивый ответ канцлера вдруг показался герцогу жестокой насмешкой.

– Помолчи уж, Эллик. Подобное пустословие лишь раздражает меня. Что толку понапрасну твердить о своей преданности? Где драконья кровь или плоть, что спасет меня? Вот что мне нужно, а не твои глупые восхваления. Здесь что, не осталось ни одного человека, готового послужить своему герцогу? – Это потребовало невероятных усилий, но на сей раз его голос

звучал достойно. Когда правитель Калсиды пристально осмотрел присутствующих, ни один не осмелился встретиться взглядом со своим господином.

Все в ужасе съежились, и герцог намеренно дал подданным время вспомнить о сыновьях, которых держал в заложниках, о сыновьях, которых никто из них не видел уже много месяцев. Он позволил людям помучиться несколько долгих мгновений, гадая, живы ли их наследники, а затем спокойно спросил:

– Есть ли новости от отряда, который мы отправили проверить слухи о драконах, замеченных в пустыне?

Канцлер застыл, явно пребывая в растерянности.

«Что, Эллик, не знаешь, как выкрутиться? – злорадно подумал герцог. – Ты помнишь, как в былые времена мы плечом к плечу шли в атаку? А теперь посмотри, во что превратились могущественный правитель и его бравый военачальник: дряхлый старик и раболепствующий слуга. Как только ты принесешь мне необходимое снадобье, все снова станет как прежде. Почему ты подводишь меня? У тебя есть собственные амбиции? Ты замыслишь что-то против своего господина? Я должен убить тебя?»

Он пристально смотрел на канцлера, но глаза Эллика были опущены. Потеряв терпение, герцог рявкнул:

– Отвечай! Есть новости или нет?

Эллик поднял взгляд, и герцог увидел в его серых глазах ярость, скрытую под раболепием. Да, они скакали рядом слишком долго и сражались бок о бок слишком часто, а потому могли читать мысли друг друга. Эллик знал каждую уловку герцога. Когда-то этот человек, бывший правой рукой властителя, старательно подыгрывал ему во всем, но теперь он уже стал уставать от этого. Канцлер глубоко вздохнул:

– Как и прежде, ни слова, мой господин. Но драконы прилетают к воде нечасто, и мы приказали отряду оставаться на месте, пока их усилия не увенчаются успехом.

– Что ж, по крайней мере, мы пока не получили донесения об их неудаче.

– Нет, великолепнейший, еще есть надежда.

– Надежда? Ты, возможно, и надеешься, а я – требую! Скажи, Эллик, ты надеешься, что твое имя переживет тебя?

Бедный канцлер буквально застыл от ужаса: герцог знал его самое уязвимое место.

– Да, господин, – прошептал он.

– Ведь у тебя есть наследник, и не один?

– Да, милосерднейший, небеса благословили меня. У меня двое сыновей. – Герцог с удовлетворением отметил, что голос Эллика дрогнул.

– Хм... – Правитель Калсиды попытался прочистить горло, но закашлялся, что породило суету среди слуг: ему тут же принесли бокал прохладной воды и чашку горячего чая; один паж в ожидании застыл рядом с белой салфеткой в руке, а другой предлагал ему стакан вина.

Едва заметным жестом герцог разогнал их всех. Он хрипло вздохнул.

– У тебя двое сыновей, канцлер. Поэтому ты и надеешься. Но у меня нет сына. И здоровье мое угасает, хотя поправить его так просто. Принеси мне лекарство из крови дракона – это все, о чем я прошу. Однако я до сих пор не получил чудесное снадобье. А теперь скажи: разве это справедливо, что у тебя есть все основания надеяться на то, что твой род продолжится в веках, а я умру, не оставив наследника? Разумеется, нет.

Под взглядом своего господина канцлер как будто уменьшался. Он весь сжался и съежился, его голова упала на преклоненные колени, бедняга словно бы стремился стать невидимым, дабы избежать внимания герцога.

Тень улыбки тронула губы правителя Калсиды.

– Ладно, сегодня можешь оставить сыновей при себе. А вот что будет завтра? Трудно сказать, но мы с тобой оба будем надеяться на хорошие новости.

– Сюда! – Кто-то поднял тяжелое полотнище, служившее дверью.

Тонкий луч света на мгновение пронзил тьму, чтобы тут же смениться желтым светом лампы. В соседней клетушке заскулил и завозился двухголовый пес. Сельден задумался: когда бедное создание в последний раз видело дневной свет, настоящий дневной свет?

Это искалеченное существо уже было здесь, когда появился Сельден. А ведь с тех пор, как он сам в последний раз чувствовал прикосновение солнечных лучей, прошли месяцы, возможно, даже год. Дневной свет – враг всего таинственного. Дневной свет мог разоблачить все диковинки и чудеса, выставленные в шатре на базаре на потеху зевакам: показать, что на самом деле это либо просто уродцы, либо подделки. Дневной свет мог открыть, что даже экспонаты с претензией на подлинность находились в плачевном состоянии.

Такие, как он сам.

Свет фонаря приблизился, и от вспышки желтого света его глаза заслезились. Сельден отвернулся и зажмурился, но даже не попытался встать. Он точно знал длину цепей, прикованных к лодыжкам, и уже опробовал на них свою силу, когда его еще только привезли сюда. За прошедшее с тех пор время они нисколько не ослабели, в отличие от него самого. Сельден лежал неподвижно и терпеливо ждал, пока посетители уйдут, но те задержались напротив его загона.

– Это он? Я думал, дракон будет крупнее! А он не больше обычного человека.

– На самом деле он высокий. Просто это незаметно, когда он так свернулся.

– Я почти не вижу его там, в углу. Мы можем войти внутрь?

– Не стоит заходить туда, куда достанет его цепь.

Посетители замолчали, затем заговорили тише. Сельден не пошевелился. То, о чем они говорили, нисколько его не интересовало. Он потерял способность испытывать смущение или унижение. Ему все еще не хватало одежды, но в основном из-за холода. Иногда, между показами, тюремщики бросали ему одеяло, но частенько они забывали это делать. Почти никто из служителей не понимал его языка, так что просить их было бесполезно.

До затуманенного сознания Сельдена медленно дошло, насколько необычно то, что мужчины, обсуждавшие пленника, говорили на знакомом ему языке. Калсидийский был языком его отца, и Сельден выучил его в тщетной попытке произвести на родителя впечатление. Юноша не пошевелился и не подал вида, что все понимает, но начал прислушиваться.

– Эй! Эй ты, драконий парень! А ну-ка, встань! Дай господам посмотреть на тебя!

Сельден мог бы проигнорировать приказ, но тогда они бросили бы в него чем-нибудь, чтобы заставить двигаться, или начали бы крутить ворот, натягивая цепь, – словом, ему придется самому подойти к задней стене, или же его отволокут туда силой. Тюремщики боялись его и, похоже, впрямь не считали человеком. Они всегда закручивали цепь, когда приходили выкидывать солому, которая устилала пол его загона. Сельден вздохнул, разогнулся и медленно встал на ноги.

Один из посетителей ахнул:

– И впрямь высокий! Только посмотри, какие длинные ноги! А хвост у него есть?

– Нет. Хвоста нет. Но он весь покрыт чешуей и сверкает как бриллиант, если вывести его на дневной свет.

– Ну так выведи. Интересно будет посмотреть на него на свету.

– Нет, ему это не нравится.

– Лжец, – сказал Сельден четко. Затем фонарь ослепил его, но он продолжил обращаться ко второй из тех фигур, которые мог различить. – Он не хочет, чтобы ты видел, что я болен. Он не хочет, чтобы ты заметил, как тут надо мной издеваются, увидел, что моя лодыжка вся в язвах от цепи. Но больше всего он не хочет, чтобы ты понял: я такой же человек, как и остальные.

– Он умеет говорить! – Посетитель выглядел скорее пораженным, чем испуганным.

– Да, но у тебя ведь хватит благоразумия не слушать его, верно? Он же наполовину дракон, а всем известно, что драконы способны навести на людей чары и заставить их поверить во что угодно.

– Я не дракон! Я человек, такой же, как и вы, но измененный по воле дракона. – Сельден попытался убедить собеседника, но ему не хватало сил.

– Видишь, как он лжет? Мы не отвечаем ему. Если позволишь ему вовлечь себя в беседу, мигом попадешь под его чары. Без сомнения, именно так дракон и соблазнил его мать. – Служитель прочистил горло. – Итак, я показал тебе товар. Вообще-то, мой хозяин не хочет продавать его, но говорит, что выслушает твоё предложение, раз уж ты проделал такой путь.

– Дракон соблазнил мою мать?! Что за бред! Столь дикой и нелепой выдумке не поверит даже ребенок! И ты не можешь продать меня, поскольку мной не владеешь! – Сельден поднял руку и попытался прикрыть глаза от яркого света, чтобы рассмотреть говорившего, но это не помогло.

На его слова даже не ответили, на него вообще не обратили внимания. И внезапно он понял: язык тут ни при чем, они просто не хотят видеть в нем что-то, кроме дорогостоящей диковинки.

А эти двое как ни в чем не бывало продолжили разговор.

– Ты же знаешь, что я всего лишь посредник и покупаю его не для себя. Твой хозяин просит очень высокую цену. Мой доверитель богат, но недаром говорят, что богачи гораздо скупее бедняков. Если я потрачу его деньги, а человек-дракон разочарует покупателя, мне придется худо.

Перед слезящимися глазами Сельдена расплывались два силуэта. Два человека, которых он даже не знал, спорили о том, сколько стоит его жизнь. Он сделал к ним шаг, волоча через заплесневелую солому свою цепь.

– Я болен! Вы что, не понимаете этого? Неужели в вас не осталось ни капли порядочности? Вы держите меня здесь в оковах, кормите полусгнившим мясом и черствым хлебом, я месяцами не вижу дневного света... Вы убиваете меня!

– Моему доверителю нужны доказательства, прежде чем он потратит столько золота. Не буду ходить вокруг да около: за ту цену, что ты просишь, следует позволить мне отправить ему что-нибудь в знак подтверждения честных намерений. Если этот парень и впрямь тот, за кого его выдают, твоему господину заплатят сполна. И все будут довольны.

Последовала долгая пауза.

– Я передам твои слова хозяину. А сейчас не хочешь ли промочить горло? Мы с тобой заслужили выпивку.

Мужчины уходили, и фонарь раскачивался в такт их шагов. Сельден рванулся, и цепь натянулась до предела.

– У меня есть семья! – кричал он им вслед. – У меня есть мать! У меня есть брат и сестра! Я хочу домой! Пожалуйста, отпустите меня домой, пока я не умер здесь!

Лишь короткая вспышка дневного света стала ему ответом. Они ушли.

Он закашлялся и обхватил себя руками, чтобы сдержать боль. Выплюнув мокроту на солому, Сельден задумался: была ли там кровь? Слишком темно, чтобы сказать точно. Он чувствовал только, что кашель стал сильнее.

Юноша неуверенно проковылял назад к куче соломы, на которой спал. Опустился на колени, а затем лег. Каждая косточка в его теле болела. Он потер отекавшие глаза и снова закрыл их. Зачем он позволил этим людям втянуть себя в абсолютно бесполезный спор? Не проще ли смириться и спокойно ждать смерти?

– Тинталья, – сказал он тихо и мысленно потянулся к драконице.

Раньше она чувствовала, когда Сельден искал ее, позволяла прикоснуться к своему разуму. Но с тех пор, как Тинталья нашла себе пару, он утратил связь с ней. А ведь Сельден почти боготворил синюю драконицу, восхищался ее великолепием и слагал о ней песни.

Песни. Сколько времени прошло с тех пор, как он пел для Тинталья, с тех пор, как он пел вообще? Он любил ее и верил, что это взаимно. А ведь окружающие предупреждали его. Все говорили о драконьих чарах, о трансе, который драконы используют, чтобы поработать людей, но Сельден никому не верил. Он жил, чтобы служить Тинталья. Но хуже всего было то, что даже сейчас, лежа здесь, на грязной соломе, как брошенная ручная зверушка, Сельден знал: если вдруг драконица найдет его, будет достаточно одного взгляда, чтобы он снова сделался ее преданным слугой.

– Вот кем я стал. Вот в кого она меня превратила, – тихо произнес юноша.

Ответом ему была тишина. И только в соседней клетушке заскулил двухголовый пес.

Седьмой день месяца Надежды, седьмой год Вольного союза торговцев

От Кима, смотрителя голубятни в Кассарике, – Рейалу, исполняющему обязанности смотрителя голубятни в Удачном

Изволь передать своим наставникам, что я считаю чрезвычайно неприятным, когда мелкую сошку вроде тебя уполномочивают выдвигать против меня столь отвратительные обвинения. Полагаю, что временное исполнение обязанностей смотрителя голубятни в отсутствие Эрека вскружило тебе голову и заставило вообразить себя важной персоной, тогда как на самом деле ты всего лишь подмастерье.

Я также советую мастерам из гильдии Голубиной почты в Удачном хорошенько приглядеться к твоим семейным связям и обратить внимание на то, что твои родственнички завидуют мне черной завистью, поскольку я получил повышение и был назначен на должность смотрителя голубятни в Кассарике. Полагаю, именно в этом и кроются истоки столь подлых наветов.

Я категорически отказываюсь связываться с торговцем Кандралом по означенному вопросу, поскольку сам никаких жалоб не получал. Уверен, что, если бы у этого человека действительно имелись какие-либо претензии, он бы не преминул высказать их мне лично. Я подозреваю, всему виной не воск или печать, а неосторожное обращение с почтовыми футлярами для конфиденциальных сообщений в голубятне Удачного. Видимо, подмастерье, который принимает птиц из Трехога и Кассарика, – то есть ты – крайне нерадив и неумел.

Если у гильдии Голубиной почты в Удачном есть претензии к тому, как послания обрабатываются служащими в Кассарике, я предлагаю им направить в наш городской Совет торговцев официальную жалобу с просьбой провести расследование. Не сомневаюсь, что Совет откажет вам в этом, поскольку полностью доверяет смотрителям местной голубятни и не захочет понапрасну оскорблять служащих, выдвигая против них столь возмутительные обвинения.

Ким

Глава 2. Битва драконов

Солнце прорвалось сквозь облака. Туман, скрывавший луг на склоне холма за бурной рекой, начал испаряться. Синтара подняла голову, уставившись на далекий горящий шар. Свет падал на ее чешуйчатую шкуру, но не слишком грел. Пока туман поднимался стелющимися завитками и исчезал от прикосновений солнечных лучей, сильный ветер пригнал с запада густые серые облака. Будет еще один дождливый день. А где-то в далеких южных землях восхитительный крупнозернистый песок раскаляется сейчас под жарким солнцем. Память предков развернула перед ней соблазнительную картину: до чего же хорошо валяться на песке и полировать чешую, пока та не начнет светиться. Синтаре и ее собратьям-драконам обязательно нужно переселиться в те благословенные края.

Еще несколько месяцев назад они должны были взмыть в воздух сверкающей бурей и, хлопая крыльями, отправиться в далекие южные пустыни. О, на скалистых возвышенностях, окружающих эти пустыни, всегда можно найти славную добычу. Будь драконы сейчас там, они бы охотились, ели до отвала и долго спали в тени, пережидая полуденный зной, а затем поднялись бы в ярко-синее небо, плавая в горячих воздушных потоках. Поймав правильный ветер, дракон способен без усилий парить над землей. И прекрасная синяя королева могла бы непринужденно скользить туда-сюда, наблюдая, как более тяжелые самцы сражаются в воздухе под нею. Синтара ясно представила себе эту картину: как они сталкиваются и плюются ядом, взмывают ввысь и налетают друг на друга, хватая противника когтями.

В конце такого сражения только один самец будет торжествовать победу. Его поверженные соперники вернутся в пески, чтобы погреться на солнышке и подосадовать на проигрыш, или, возможно, отправятся в богатые развлечения холмы – выместить свое разочарование в диком веселье убийства. А дракон-победитель поднимется в воздух, хлопая крыльями, на высоту, достаточную, чтобы летать кругами, наблюдая за самками, и выделит ту, за которой хочет ухаживать. И тогда начнется битва совершенно другого рода.

Блестящие медные глаза Синтары были полуприкрыты веками, голова возвышалась на длинной и мощной шее, обращенная к далекому солнцу. Ее бесполезные синие крылья непроизвольно распахнулись. В ней всколыхнулось вожделение. Она почувствовала жаркую волну, прокатившуюся по чешуйкам на животе и горле, и учуяла запах собственного желания, источаемый особыми железами под крыльями. Она открыла глаза и опустила голову, пристыженная. Истинная королева, достойная спаривания, должна обладать могучими крыльями, способными поднять ее над теми облаками, что сейчас угрожали разразиться дождем и промочить ее насквозь. В полете она распространяла бы запах мускуса, пробуждая вожделение в каждом самце на милю вокруг. Истинная драконья королева никогда бы не блуждала по этим промокшим берегам в компании жалких, не умеющих летать самцов и еще более бесполезных людшек-хранителей.

Она отбросила прочь пустые мечты о славных сражениях и спариваниях в полете и недовольно заурчала. Синтара была голодна. Где же Тимара, ее хранительница? Она должна была охотиться для нее и принести ей свежую добычу. Ну и куда, спрашивается, запропастилась эта никчемная девица?

Внезапно налетевший мощный порыв ветра принес с собой сильный запах самца. Синтара поспешно сложила крылья.

Это был Кало. Его когтистые лапы коснулись земли, и он заскользил к Синтаре, едва успев вовремя остановиться, чтобы не врезаться в нее. Драконица вскинулась на задние лапы, выгнув блестящую синюю шею, и поднялась в полный рост. Несмотря на это, Кало по-прежнему возвышался над ней. Синтара увидела, как радостно вспыхнули его глаза, когда он осо-

знал свое преимущество. Этот самец здорово вырос и окреп с тех пор, как они добрались до Кельсингры.

– Пока что это мой самый продолжительный полет, – похвастался Кало и встряхнулся, забрызгав Синтару каплями дождя, а затем аккуратно сложил широкие темно-синие крылья и расправил их вдоль спины. – Мои крылья становятся больше и сильнее с каждым днем. Скоро я снова буду владыкой небес. А что насчет тебя, королева? Когда ты поднимешься в воздух?

– Когда сама того пожелаю, – ответила Синтара и отвернулась. От Кало исходил запах похоти; его привлекала не дикая свобода полета, а то, что могло произойти во время него. Пожалуй, этот самец даже не заслуживал ее внимания. – И я бы не назвала это полетом, – ядовито заметила драконица. – Ты просто разбежался и прыгнул с холма в воздух. Прыжок – это еще не полет.

Ее критика была не совсем справедливой: прежде чем приземлиться, Кало успел пять раз взмахнуть крыльями. Испытывая стыд вперемешку с яростью, Синтара вспомнила свою первую попытку взлететь: хранители обрадовались, когда она подпрыгнула и оторвалась от земли. Однако ее крыльям не хватило сил, чтобы поднять ее, и она упала, плюхнувшись в реку. Поток швырял и бил ее, и она появилась из стремительной мутной воды, покрытая синяками.

«Не вспоминай о том унижении. Но впредь никто и никогда больше не должен увидеть твоей неудачи».

Свежий порыв ветра принес первые капли дождя. Она спустилась к реке, только чтобы напиться, и собиралась вернуться под слабое укрытие деревьев.

Но едва она отвернулась от Кало, как он выбросил голову вперед. Его челюсти сомкнулись у нее на шее, сразу под головой, чтобы она не могла извернуться и укусить его или плюнуть ядом. Синтара замахнулась на него когтистой передней лапой, но его шея была более длинной и мощной, и к тому же Кало вовремя отстранился, так что ее когти только зря полоснули воздух. Драконица взревела от ярости, и тогда он отпустил ее, сразу же отпрыгнув, так что и вторая ее атака оказалась абсолютно безрезультатной.

Кало широко распахнул крылья, готовый отбить нападение, если Синтара еще раз кинется на него. В его глазах, серебряных с проблесками зеленого, кружилось бешеное веселье.

– Ты должна учиться летать, Синтара! Ты должна снова стать настоящей королевой, владычицей моря, земли и неба. Оставь этих жалких земляных червей и присоединяйся ко мне. Мы будем вместе охотиться и убивать, мы улетим подальше от этих холодных дождей и бескрайних лугов, в южные пустыни. Прикоснись к памяти предков и вспомни, кем мы, драконы, всегда стремились стать!

Ее шея болела там, где его зубы задели плоть, но куда сильнее была задета ее гордость. Наплевав на опасность, Синтара напала на него снова, распахнув пасть и собираясь плюнуть в обидчика ядом, но Кало ловко перескочил через нее с восторженным ревом. Когда она развернулась, чтобы противостоять ему, то обнаружила, что к ним с шумом приближаются алый Ранкулос и лазурный Сестикан. Драконы не созданы для перемещения по земле. Они неуклюже мчались рядом, словно жирные коровы. Изящная оранжевая грива Сестикана торчком стояла на затылке.

Едва добежав до них, Ранкулос возмущенно закричал, сверкая полураскрытыми крыльями:

– Оставь ее в покое, Кало!

– Не нуждаюсь в вашей помощи, – протрубила Синтара в ответ, после чего высокомерно отвернулась и гордо двинулась прочь.

Удовлетворение от того, что самцы готовы драться за нее, боролось с унижительным чувством, что она недостойна их схватки. Синтара не могла подняться в небо, продемонстрировав присущие королеве изящество и скорость; она не могла бросить вызов победителю этой глупой схватки, используя свои собственные ловкость и бесстрашие. Тысяча воспоминаний из памяти

предков всколыхнулась в ее голове: о других сражениях самцов, их ухаживаниях и брачных полетах. Но все это мелькало где-то на краю ее сознания, и Синтара решительно выбросила подобные мысли из головы. Она не станет оглядываться на звуки драки: отчаянный рев драконов и бешеное хлопанье их крыльев.

– Мне нет необходимости летать, – презрительно бросила она через плечо. – Здесь нет никого достойного брачного полета.

И услышала, как в ответ с болью и яростью взревел Ранкулос.

Дождливый день вокруг Синтары разразился тревожными криками и визгливыми вопросами, исходившими от спешащих людей: хранители драконов дружно выскочили из своих разбросанных тут и там домиков и кинулись к дерущимся самцам. Вот же идиоты! Драконы могут запросто растоптать тех, кто посмеет вмешаться. И вообще, какое право люди имеют лезть в их дела? Синтару раздражало, что хранители обращались с ними как с домашней скотиной, которой нужно командовать, а не как с драконами, которым следует служить. Ее собственная хранильница, спешно накинув рваный плащ и пытаясь удержать его запахнутым на бугристой спине, бежала к ней, крича:

– Синтара, с тобой все в порядке? Ты не ранена?

Драконница высоко вскинула голову, приоткрыла крылья и требовательно спросила Тимару:

– Думаешь, я не в состоянии защитить себя? Думаешь, я слабая и...

– Берегись! – предупреждая крикнул кто-то, и Тимара, послушавшись, тотчас же пригнулась, закрыв голову руками.

Синтара весело фыркнула, когда золотистый Меркор промчался мимо них, широко распахнув крылья и вырывая когтистыми лапами пучки грязной травы, почти скользя над землей. Руки Тимары не смогли бы ее защитить, если бы острое драконье крыло задело девочку. Да один лишь ветер, поднявшийся в результате движений Меркора, сбил хранильницу с ног, и она прокатилась по мокрой траве луга.

Крики людей и рев драконов заглушил трубящий во все горло Меркор, который врезался в самую середину клубка из дерущихся самцов.

Сестикан упал: неожиданный удар сбил его с лап. Его распахнутое крыло опасно изогнулось, когда дракон навалился на него всем туловищем, и Синтара услышала его яростный вопль, полный боли и ужаса. Ранкулос оказался в ловушке под вертящимся Кало. Кало попытался развернуться и ударить Меркора длинными когтями мощных задних лап. Но Меркор ловко выскочил из кучи дерущихся драконов, внезапно прыгнул вперед и лапами прижал распростертые крылья Кало к земле. Тот отчаянно царапал обидчика когтями, и у Меркора под ребрами возникали глубокие борозды ран. Затем Меркор дернулся и сдвинулся выше. Голова Кало и его длинная шея хлестали как кнут, но преимущество явно было на стороне Меркора. Бедный Сестикан, подмятый двумя огромными драконами, ревел в бессильной ярости. Крепкий запах мускуса, исходящий от драконьих самцов, поднялся над схваткой.

Толпа испуганных и сердитых хранителей окружила дерущихся, они громко вопили, выкрикивая имена сражающихся драконов и пытаясь помешать всем остальным к ним присоединиться. Фенте и Верас, самки меньшего размера, чем Синтара, с любопытством вытянули шеи и, игнорируя своих хранителей, отважились приблизиться на опасное расстояние. Балипер, хлеставший алым хвостом, бродил вокруг места столкновения, отгоняя людей подальше и возмущенно рыча.

Схватка закончилась так же внезапно, как и началась. Меркор откинул золотую голову, а затем выбросил ее вперед, раскрыв челюсти. Послышались крики хранителей и встревоженный рев наблюдающих драконов: смерть Кало от облака ядовитой кислоты уже казалась неминуемой. Однако в последний момент Меркор захлопнул челюсти, резко опустил голову и выплюнул на уязвимое горло Кало всего лишь одну каплю яда. Сине-черный дракон закричал от

боли и ярости. Тремя мощными ударами крыльев Меркор поднялся в воздух и опустился в стороне от Кало, приблизительно на расстоянии длины корабельного корпуса. Кровь струилась из длинной раны на ребрах, медленно заливая его золотистые чешуйчатые бока. Огромный дракон тяжело дышал, ноздри его раздувались, чешуя переливалась разными цветами, а защитные гребни вокруг глаз были высоко подняты. Он хлестнул хвостом, и запах агрессии наполнил воздух.

Едва Меркор отпустил Кало, тот перекатился на лапы. Рыча от бессильной злобы и унижения, он сразу направился к реке – смыть кислоту, пока она не проникла глубже. Карсон, хранитель Плевка, побежал вслед за Кало, призывая того остановиться и позволить ему осмотреть рану. Но черный дракон не обратил на человека никакого внимания. Ранкулос, избитый и ошеломленный, но не получивший никаких серьезных повреждений, пошатываясь, вскочил. Поднявшись на лапы, он потряс крыльями, а потом сложил их медленно, как если бы они болели. Затем, отчаянно пытаясь сохранить остатки собственного достоинства, Ранкулос похромал прочь от места схватки, где драконы вытоптали всю траву.

Отойдя в сторону от Кало, Меркор угрожающе прорычал:

– Не забывай, что я мог убить тебя! Всегда помни об этом, Кало!

– Ах ты, отродье ящерицы! – огрызнулся темный дракон, однако продолжил отступать к ледяной реке.

Синтара отвернулась от них. Ее удивило, что все закончилось так быстро. Вообще-то, у драконов было принято и драться, и спариваться в воздухе. Умей самцы летать, битва могла бы длиться несколько часов, возможно даже целый день, и в результате участники схватки разошлись бы, истекающие кровью и обожженные кислотой. На мгновение родовая память о таких состязаниях захватила ее сознание, и сердце Синтары забилося от восторга. Самцы сражались бы за ее расположение, и в конце, когда остался бы только один, даже тогда он еще должен был принять ее вызов и доказать, что подходит драконице в полете, прежде чем предъявить права на то, чтобы спариться с ней. Они взмыли бы в воздух, поднимаясь все выше и выше, самец пытался бы повторить ее петли, резкие спуски и мощные подъемы. И если бы он преуспел, если бы ему удалось подойти достаточно близко, чтобы поравняться с королевой, только тогда их тела бы слились воедино, а крылья стали бы двигаться синхронно...

– СИНТАРА!

Рев Меркора отвлек ее от размышлений. И не только она одна обернулась узнать, что ему нужно. Все драконы и хранители, находившиеся на лугу, смотрели на них.

Огромный золотой дракон поднял голову и резко, с отчетливым хлопком распахнул крылья. Волна его свежего запаха смешалась с ветром.

– Ты не должна начинать того, что не можешь закончить, – упрекнул ее Меркор.

Синтара смотрела на него, чувствуя, как от ярости ее чешуя становится ярче.

– Это не имело к тебе никакого отношения, Меркор. Полагаю, тебе не стоило вмешиваться в то, что тебя не касается.

Он раскинул крылья шире и поднял тело еще выше на мощных лапах.

– Я буду летать. – Он не рычал, но даже так его слова были ясно слышны сквозь дождь и ветер. – Как и ты. И когда придет время для брачных игр, я одержу верх. И ты будешь моей.

Она воззрилась на него, потрясенная. Немыслимо, чтобы самец держался с драконицей столь дерзко. Синюю королеву порадовало его заявление о том, что она будет летать, однако Синтара постаралась скрыть свои чувства. Молчание затягивалось, и, осознав, что все смотрят на нее в ожидании ответа, драконица разозлилась.

– Не говори ерунду, – неуверенно произнесла она. Ей даже не нужно было слышать презрительное фырканье Фенте, чтобы понять: столь слабое возражение никого не впечатлило.

Отвернувшись от всех, Синтара гордо направилась назад к лесу, под прикрытие редких деревьев. Ей все равно. Ее не волнуют ни наглость Меркора, ни насмешки Фенте. Сегодня там не произошло ничего стоящего ее внимания.

– Вряд ли это можно назвать славным сражением. – Она тихонько усмехнулась.

– Славное сражение – это то, чего ты пыталась добиться? – Тимара, эта бесцеремонная маленькая хранительница, внезапно догнала Синтару и побежала рядом.

Ее темные волосы свисали в беспорядке, в растрепанных косичках кое-где еще остались деревянные амулеты. Скатываясь с холма, она перемазала свой потрепанный плащ травой; на ногах у девчонки были самодельные ботинки из темной, плохо обработанной оленьей кожи, а вместо носков – какие-то разноцветные тряпки. За последнее время Тимара стала выше и тоньше, кости ее лица обозначились более четко. Крылья, которыми одарила свою хранительницу Синтара, слегка подрагивали под плащом на бегу. Несмотря на явную бестактность первого вопроса, голос девушки прозвучал озабоченно, когда она сказала:

– Остановись ненадолго и нагнись! Надо осмотреть твою шею в том месте, где Кало укусил тебя.

– Он не поранил меня. – Синтара и сама удивилась, что обсуждает такие вещи с простой смертной.

– Я хочу взглянуть: похоже, несколько чешуек вот-вот отвалятся.

– Я ничего не сделала, чтобы вызвать эту глупую склоку. – Синтара резко остановилась, опустила голову так, чтобы Тимара могла осмотреть ее шею, и разозлилась на себя: не хватало еще подчиняться воле человека. Ярость буквально клокотала внутри драконицы. Она даже хотела было, резко повернув голову, сбить Тимару с ног – якобы случайно, – но, чувствуя, как сильные руки девушки нежно расправляют растрепанные чешуйки, смягчилась. От хранительницы тоже есть польза.

– Ни одна из чешуек не оторвана до конца, но рано или поздно ты можешь их потерять.

Синтара ощутила огорчение хранительницы, пока та приводила ее в порядок. Хотя Тимара частенько грубила Синтаре, драконица знала, что девушка искренне беспокоится о ее здоровье и внешности. Любое оскорбление Синтары она принимала близко к сердцу. И настроение драконицы она тоже чувствовала.

Сосредоточившись на переживаниях девчонки, Синтара поняла, что их объединяет не только раздражение, но и обида.

– Ох уж эти мужчины! – неожиданно воскликнула Тимара. – Похоже, спровоцировать дракона на глупость не сложнее, чем человеческого самца.

Подобное замечание заинтересовало Синтару, хотя она и не подала виду. Вспомнив все, что знала о переживаниях девушки, драконица догадалась, по какой причине та не в духе, и заметила:

– Ну и глупо же ты себя ведешь! Решать тебе, а не им. Совокупись с обоими или вообще ни с кем. Покажи им, что ты королева, а не корова, ждущая, пока бык покроет ее.

– Я не выбрала ни одного из них, – ответила Тимара на вопрос, которого драконица ей не задавала.

Чешуя была разглажена, и Синтара продолжила свой путь к кромке леса. Тимара прибавила скорости, чтобы держаться рядом, размышляя на бегу:

– Я совершенно не хочу ничего менять; по мне, так пусть бы лучше все оставалось как раньше. Но, похоже, оба парня настроены решительно. – Тимара встряхнула головой, и ее косички взлетели вверх. – Татс – мой самый старый друг, я знала его еще в Трехоге, до того как мы стали хранителями. Он часть моего прошлого, воспоминаний о доме. И когда Татс настаивает на том, чтобы мы переспали, я не знаю, по какой причине он это делает: оттого, что любит меня, или просто потому, что я ему отказала. Я боюсь потерять его окончательно, если мы станем любовниками, – но у нас не сладится.

– Тогда спарься с Рапскалем, да и делу конец, – посоветовала драконица.

Тимара навевала на нее скуку. Неужели люди всерьез полагают, что драконам могут быть интересны подробности их жалких жизней? Да это все равно что беспокоиться о мошках или рыбах.

Но хранительница восприняла ее реплику как приглашение продолжить разговор.

– С Рапскалем? Нет, это невозможно. Я знаю, что, если выберу его себе в пару, это разрушит мою дружбу с Татсом. Рапскаль красивый и забавный... и немного странный. Но мне нравятся его странности. И мне кажется, что я ему и правда не безразлична. Когда он уговаривает меня переспать с ним, это не только ради мимолетного удовольствия. – Она встряхнула головой. – Но я не хочу совокупляться ни с кем из них. Вернее, не совсем так. Вообще-то, я была бы не против попробовать плотские утехы, но ведь нельзя же действовать бездумно, надо принимать в расчет, насколько это может все осложнить. Я боюсь забеременеть и не хочу принимать необдуманных решений. Если я выберу одного парня, то потеряю при этом второго? Я не знаю, как поступить...

– Ты мне наскучила, – остановила ее Синтара. – Есть гораздо более важные дела, которыми ты должна заняться. Ты сегодня охотилась? У тебя есть для меня мясо?

От внезапной перемены темы разговора Тимара опешила.

– Нет еще. Я пойду попозже, когда дождь закончится, сейчас нет смысла отправляться в лес, – ответила она неохотно. Последовала пауза, и затем девушка коснулась еще одной опасной темы: – Меркор сказал, что ты обязательно полетишь. Ты пробовала? Ты тренировала крылья сегодня, Синтара? Надо разрабатывать мышцы, это единственное, что может...

– Я не собираюсь скакать по пляжу, как чайка с перебитым крылом. У меня нет желания выставять себя на посмешище. – А еще меньше ей хотелось потерпеть неудачу, упасть в ледяную реку и утонуть. Или, как это однажды произошло с Балипером, переоценить свои возможности и рухнуть на кроны деревьев. Он в тот раз так сильно повредил крылья, что не мог сложить их, да еще вдобавок сломал коготь на левой передней лапе.

– Никто не смеется над тобой! Упражнения необходимы, Синтара. Тебе обязательно надо научиться летать, все драконы должны это уметь. Вы все выросли за время пути из Кассарика, и скоро я не смогу приносить достаточно дичи, чтобы прокормить тебя, даже несмотря на то, что ее здесь много. Тебе придется охотиться самой, а для этого нужно овладеть искусством полета. Разве ты не хочешь стать одним из первых драконов, который покинет землю? Или ты предпочитаешь оказаться последней?

Эти слова задели Синтару. Мысль о том, что более мелкие самки, Верас и Фенте, поднимутся в воздух раньше ее, была нестерпима. Вообще-то, этим чахлым тощим созданиям, возможно, даже будет легче взлететь. Гнев воспламенил кровь Синтары, а ее медные глаза – драконица знала это – от переполнявших ее чувств превратились в яростные водовороты. Она должна убить их, только и всего. Убить еще до того, как они унижат ее.

– Или ты можешь взлететь раньше их обеих, – успокаивающе заметила Тимара.

Синтара резко обернулась и уставилась на хранительницу. Иногда той удавалось услышать мысли драконицы, а порой даже хватало наглости отвечать на них.

– Мне надоел дождь. Я хочу уйти под деревья.

Тимара кивнула, и, когда Синтара двинулась прочь, девушка покорно последовала за ней. Драконица обернулась только раз.

Ниже, у реки, остальные хранители горячо обсуждали, кто из драконов первым начал потасовку. Охотник Карсон, упрямо скрестив руки на груди, продолжал спорить с Кало. С темного самца стекала вода, он уже смыл с горла кислоту Меркора. Плевков, маленький серебряный дракон Карсона, угрюмо наблюдал за ними с безопасного расстояния. Синтара удивилась про себя, до чего же глуп Карсон. Большой сине-черный самец не слишком жаловал людей и, если его разозлить, мог разорвать охотника пополам.

Татс помогал Сильве обследовать длинные раны на ребрах Меркора, пока его собственная драконица, Фенте, ревниво когтила грязь и бормотала туманные угрозы. Ранкулос держал расправленным одно крыло, чтобы хранитель мог осмотреть его: похоже, тут как минимум сильный ушиб. Покрытый грязью Сестикан уныло звал своего хранителя, но Лектера нигде не было видно. Драка закончилась. Ненадолго они стали драконами, соперничающими за внимание самки, а теперь снова ведут себя как глупая скотина. Синтара презирала их, но и себя тоже ненавидела. Не стоило никого провоцировать. Эта схватка только заставила ее вспомнить о том, чего все они, включая и саму синюю королеву, были лишены.

«А ведь все могло сложиться иначе», – подумала она и мысленно перечислила роковые случайности, повлиявшие на их судьбу, одно событие за другим. Если бы только драконы вылупились здоровыми и полноценными; если бы они были в лучшей форме, когда строили коконы для превращения из морских змеев в драконов; если бы двинулись к берегам окукливания на несколько десятилетий раньше; если бы раса Старших не вымерла; если бы извержение вулкана не уничтожило привычный мир. О, в былые времена драконы выходили из коконов уже способными к полету и к первому убийству, дающему силы. Не то что сейчас. Синтара чувствовала себя ярким осколком стекла, который выпал из прекрасной мозаики, изображающей Старших, старинные города с высокими башнями и драконов в полете. Выпал, чтобы одиноко лежать в грязи, оторванным от привычной среды, от всего, что некогда являлось его предназначением. Драконица понимала, что без того, навеки исчезнувшего мира в ее собственной жизни не было никакого смысла.

А ведь Синтара пыталась подняться в воздух, причем не однажды, однако благоразумно помалкивала об этом. Тимаре незачем знать о ее многочисленных унижительных провалах. Синтару буквально сводило с ума, что полоумная Хеби уже научилась летать и самостоятельно охотиться. С каждым днем красная самка становилась все больше и сильнее, а ее хранитель, Рапскаль, без устали восхвалял свою «любимую девочку, редкостную умницу и красавицу». Он придумал глупую песню – так, нескладные стишки, никакой поэзией там даже и не пахло – и громко распевал ее каждое утро, пока обихаживал свою драконицу. Синтаре хотелось откусить ему голову. Хеби могла сколько угодно прихорашиваться и раздуваться от гордости, она все равно оставалась тупой коровой.

– Если бы ты научилась летать, это могло бы стать лучшей мстью всем прочим драконам, – снова подала голос Тимара, почувствовав ее настроение.

– Почему бы тебе самой не попробовать? – ядовито поинтересовалась Синтара.

Девушка ничего не ответила, но ее молчание было многозначительным.

Синтара не сразу сообразила, что это означает. А когда поняла, то была поражена.

– Что? Ты уже пыталась, не так ли? Ты пробовала летать?

Тимара не смотрела на драконицу, пока они брели через луг в сторону леса. По долине были разбросаны небольшие каменные домики, почти у всех них стены были разрушены, а крыши провалились, но часть строений хранители успели восстановить. Когда-то здесь была деревушка, в которой жили ремесленники, торговцы и прочие люди, обслуживавшие Старших. Сами же Старшие обитали в сверкающем городе на другой стороне бурной реки. Интересно, знает ли об этом Тимара? Скорее всего, нет.

– Ты ведь сама сделала так, что у меня выросли крылья, – наконец ответила девушка. – А раз уж они есть и мне приходится терпеть из-за этого неудобства – обычную рубашку теперь не наденешь, а плащ вечно падает со спины, так что любой ветерок пронизывает насквозь, – то должна же быть от них хоть какая-то польза. Да, я пробовала взлететь. А Рапскаль помогал мне. Он говорит, что однажды у меня непременно получится. Пока все, чего я добилась, – это разбитые при падении колени и содранная кожа на руках. Я не смогла подняться в воздух. Тебя это радует?

– Меня это не удивляет.

Если уж говорить начистоту, неудачи Тимары и впрямь порадовали Синтару. Человек не должен летать, когда драконы не могут! Да пусть хоть тысячу раз расшибет колени и наставит себе синяков. А если Тимара взлетит первая, драконица просто-напросто съест ее! Голод подступил к горлу, и Синтара пришла в себя. Нет, ни в коем случае нельзя давать девчонке почувствовать эти свои мысли – по крайней мере, пока та не вернется с охоты.

– Я буду продолжать попытки, – тихо сказала Тимара. – И тебе тоже стоит проявить упорство.

– Сама делай что хочешь, а меня избавь от своих советов, – ответила драконица. – А сейчас лучше бы тебе захотеть пойти на охоту. Я голодна. – И она мысленно подтолкнула хранительницу.

Тимара сощурилась, почувствовав, что драконица использовала чары. Не важно. Ее все равно будет преследовать непреодолимая тяга пойти на охоту. Понимание того, откуда взялось это желание, не ослабит его.

Зимние дожди вызвали буйный рост растительности. Высокая мокрая трава цеплялась за ноги, пока Синтара с девушкой брели сквозь нее. Они взобрались вверх по склону, и теперь их манил открывшийся взору лес впереди. Там можно было хоть как-то укрыться от дождя, несмотря на то что многие деревья сбросили листья. Лес казался Синтаре и знакомым и чужим одновременно. Ее личный опыт ограничивался непроходимыми дебрями Дождевых чащоб, тогда как наследственная память свидетельствовала о близком знакомстве предков с такими лесами. Названия деревьев – дуб и береза, ольха и ясень – одно за другим всплывали в голове.

Да, драконам были известны такие деревья, такие леса и даже конкретно это место. Но они редко задерживались тут зимой, когда льют бесконечные ледяные дожди. В это время года драконы улетали в самое сердце пустыни, чтобы греться там на раскаленном песке. Или скрывались в убежищах, построенных для них Старшими, – хрустальных залах с подогреваемыми полами и купальнями, наполненными горячей водой. Синтара обернулась, чтобы посмотреть через реку на легендарный город Старших. Они проделали такой долгий путь, а Кельсингра, увы, все еще оставалась вне досягаемости. Бурная река была глубокой и коварной. Ни один дракон не смог бы переплыть ее. Единственным способом попасть домой было перелететь на ту сторону.

Древний город Старших сохранился практически нетронутым, точь-в-точь в таком виде, как рисовала его наследственная память. Даже сейчас – под хмурым небом, сквозь пелену дождя – высокие здания из черно-серебряного камня мерцали и манили к себе. Когда-то там жили прекрасные, покрытые чешуей Старшие, друзья и слуги драконов. Они одевались в яркие одежды и украшали себя золотом, серебром и сверкающей медью. Широкие улицы, впечатляющие строения – все это было рассчитано не только на самих Старших, но и на драконов, которые частенько их навещали.

Там была украшенная статуями площадь, вымощенная чудесными плитами, которые зимой давали тепло, хотя, похоже, теперь эта часть города исчезла в гигантской трещине, поглотившей древние дороги и башни Кельсингры. Раньше здесь располагались бани с бассейнами, наполненными горячей водой, где Старшие вместе с драконами пережидали непогоду. Кроме того, предки Синтары купались в громадных медных ваннах с благовонным маслом, дарившим чешуе чудесный блеск и делавшим когти прочнее.

И там также было... что-то еще. Синтара никак не могла вспомнить, что именно. Похожее на воду, но не вода. Что-то восхитительное, нечто такое, что даже сейчас сверкало, переливалось и настойчиво звало ее сквозь смутные воспоминания.

– На что ты смотришь? – спросила Тимара.

Синтара и не заметила, что замерла, уставившись на другой берег.

– Так, ни на что. На город, – сказала она и продолжила свой путь.

– Если бы ты научилась летать, то смогла бы перебраться через реку в Кельсингру.

– А если бы ты научилась соображать, то знала бы, когда стоит помолчать, – огрызнулась драконица.

Неужели эта глупая девчонка не понимает, как много она об этом думает? Каждый день. Каждый час. Вдруг магия дающих тепло плит до сих пор действует? А даже если и нет, здания могли послужить укрытием от бесконечных дождей. Не исключено, что в Кельсингре она наконец-то почувствовала бы себя настоящим драконом, а не змеей с лапами.

Они дошли до кромки леса. Налетевший порыв ветра стряхнул на них холодные капли с веток деревьев. Синтара недовольно фыркнула.

– Немедленно иди охотиться, – велела она девушке и мысленно усилила приказ.

Ее хранильница развернулась и с обиженным видом поплелась с холма обратно. Синтара не потрудилась даже проводить девчонку взглядом. Еще чего не хватало! Обеспечивать драконицу пищей – это долг Тимары. Хранители для того и нужны. А иначе какой вообще прок от людишек?

– Карсон!

Охотник сделал в сторону Седрика успокаивающий жест, подняв руку с раскрытой ладонью. Карсон неподвижно стоял напротив черно-синего дракона. Он ничего не говорил, просто упрямо смотрел ему в глаза. Карсон был крупным мужчиной, но на фоне гигантского Кало выглядел детской игрушкой, которую разъяренный дракон мог запросто втоптать в землю или, обдав своим ядовитым дыханием, обжечь до костей. И Седрик ничего не смог бы с этим поделаться. Его сердце так отчаянно колотилось в груди, что он не мог даже толком вздохнуть. Юноша обхватил себя руками, дрожа от холода и страха. Зачем Карсон так рискует собой?

Не бойся, я буду тебя защищать. – Релпда, драконица Седрика, толкнулась в его мысли и легонько боднула хранителя тупым носом.

Он быстро повернулся и положил руку ей на загривок, успокаивая точно так же, как пытался успокоить самого себя. У маленькой медной самки не было ни единого шанса против Кало, выступи она на стороне Седрика. Ни в коем случае нельзя сейчас бросать огромному дракону вызов, ибо это может спровоцировать его на необдуманные и жестокие действия. Хотя Седрик и не был хранителем Кало, сейчас он, как и все прочие, чувствовал исходившие от него волны ярости и обиды.

– Давай отойдем в сторонку, – предложил юноша медной драконице и слегка подтолкнул ее.

Но Релпда даже не шелохнулась. Когда Седрик посмотрел на нее, ему показалось, что ее глаза вращаются – большие, темно-синие, с редкими серебряными проблесками. О нет – она решила, что Кало угрожает ее хранителю!

Карсон заговорил спокойно, без злости. Его мускулистые руки были скрещены на груди, но жест этот не выглядел угрожающим. Темные глаза под тяжелыми бровями казались почти добрыми. Непогода растрепала его волосы и унизала каплями воды подстриженную рыжую бороду. Однако охотник не обращал ни малейшего внимания на дождь и ветер, точно так же как и на то, что дракон значительно сильнее его. Непохоже было, что Карсон боится с трудом сдерживающего ярость Кало.

Он говорил медленно, и его низкий голос звучал ровно:

– Кало, тебе нужно успокоиться. Я уже послал людей на поиски Дэвви. Твой хранитель скоро будет здесь, чтобы позаботиться о твоих ранах. Но ты должен перестать угрожать всем подряд.

Сине-черный дракон пошевелился, и под дождем его чешуя сверкнула серебром. Во взгляде Кало вспыхнули и закружились малахитовые разводы, и казалось, будто сами его глаза принялись вращаться. Седрик взирал на происходящее со смесью восхищения и ужаса. Карсон стоял слишком близко к дракону, и, если бы тот вдруг решил броситься на человека или

плюнуть в него ядом, даже быстрая реакция не спасла бы охотника от смерти. Седрик набрал в легкие воздуха, собираясь умолять Карсона отступить, но затем передумал и лишь сжал зубы. Нет, это все равно бесполезно. Карсон знает, что делает, и последнее, что ему сейчас нужно, – это отвлекаться на любовника.

Седрик услышал за спиной топот бегущих ног и, обернувшись, увидел, как Дэвви на всех парусах несется в их сторону. Щеки юного хранителя покраснелись, а волосы развевались вокруг лица и плеч. Лектер бежал рядом с ним по влажной луговой траве, похожий на мокрого ежа. Шипы у него на шее переходили в гриву на спине, в точности повторяя гриву его дракона, Сестикана. Хранитель уже не мог скрывать их под рубашкой. Шипы были синие с оранжевыми крапинками и встопорщились, пока Лектер, отчаянно пыхтя, пытался не отставать от Дэвви.

Дэвви набрал воздуха и закричал:

– Кало! Я здесь! В чем дело, Кало? Ты ранен? Что случилось?

Лектер свернул в сторону, направляясь к Сестикану.

– Где ты ходишь? – поинтересовался его дракон капризно и зло. – Смотри, я ушибся и весь перемазался в грязи. А ты не уделяешь мне внимания.

Дэвви подбежал прямо к своему огромному дракону, то ли не заметив, то ли не испугавшись того, что его питомец пребывал в ярости. Как только парень появился на лугу, все внимание Кало сосредоточилось на нем.

– Почему тебя не было рядом, чтобы позаботиться обо мне? – взревел дракон с упреком. – Смотри, как меня обожгли! Твое безразличие могло стоить мне жизни! – Кало задрал голову, чтобы продемонстрировать кровоточащую рану на горле, там, куда попал яд Меркора. Она была размером с блюдце.

Седрик вздрогнул от подобного зрелища, а Дэвви побледнел как мертвец.

– Ох, Кало! Надеюсь, все обойдется? Мне так жаль! Я был на реке, проверял, не попалось ли что в ловушки для рыбы!

Седрик знал про эти ловушки. Он видел, как Карсон и Дэвви устанавливали их вчера. Две корзины, закрепленные на концах жерди, вращающейся благодаря течению, должны были зачерпывать рыбу из реки и сбрасывать ее по желобу в плетеную вершу. У Карсона и Дэвви ушло несколько дней на то, чтобы соорудить это приспособление. Если их задумка сработает, они собирались построить еще несколько таких ловушек. Ежедневно добывать пропитание для такого количества драконов – тяжкий труд, а тут будет хоть какое-то облегчение.

– Не проверял он никакие ловушки, – тихо сказал Карсон, подходя к Седрику.

Кало присел на траву, а Дэвви взволнованно охал, осматривая расправленные крылья дракона в поисках других повреждений. Лектер с виноватым видом вел Сестикана к реке – мыться.

Седрик заметил, как парень украдкой застегнул пряжку на ремне. Карсон недовольно покачал головой, а Седрик ухмыльнулся.

– Да уж, похоже, эта парочка занималась совсем другим, – констатировал он.

Однако Карсон в ответ бросил на него взгляд, который мигом стер усмешку с его лица.

– Что такое? – спросил юноша, озадаченный суровым видом охотника.

Карсон заговорил тихим голосом:

– Мы не можем допустить этого, Седрик. Не дело, что оба парня так себя ведут.

– Что?! Не можем допустить, чтобы они были вместе? Но если мы запретим им это, то сами превратимся в лицемеров! – Седрика больно ранили слова Карсона. Он что, ожидает, что мальчики станут скрывать, что без ума друг от друга? Осуждает их за то, что они не таятся?

– Я вовсе не это имел в виду. – Карсон положил руку любовнику на плечо и развернул его, уводя прочь от Кало. – Они всего лишь мальчишки и, безусловно, нравятся друг другу, но в основном думают о плотских утехах. У них все не так серьезно, как у нас с тобой. Я хотел

сказать, что ребята должны быть более ответственными, думать в первую очередь о работе, а развлечения могут и подождать.

Мужчины начали взбираться на холм по мокрой траве. Релпда прошла за ними несколько шагов, а затем внезапно развернулась и направилась к берегу реки.

– Не так серьезно, как у нас с тобой. – Седрик с нежностью повторил слова любовника.

Карсон покосился на него и кивнул, легкая улыбка приподняла уголки его губ и разожгла пожар в животе у Седрика. Юноша очень надеялся, что направление, выбранное Карсоном, означало, что они идут к дому. Небольшое холодное строение с каменными стенами и выложенным плитками полом было немногим лучше пещеры, но крыша, по крайней мере, спасала от дождя, а в каминной трубе была хорошая тяга. Если разжечь в очаге огонь, там было почти тепло. Почти. И тут на ум ему пришли иные способы согреться.

Как будто отвечая на мысли Седрика, Карсон сказал:

– Есть работа, которая не может ждать. Нам нужно пойти в лес и поискать сухой хворост. Зеленые ветки, которые ты вчера пытался разжечь, только дымили и совсем не давали тепла. – Он обернулся на Дэвви и Лектера.

Кало склонился к земле, вытянув шею так, чтобы Дэвви мог осмотреть ожог от кислоты. Прикосновения хранителя успокоили огромное создание, дракон выглядел почти умиротворенным.

– Он гораздо больше подходит Кало, чем Грефт, – заметил Седрик.

– Вернее, подходил бы больше, если бы хорошенько старался. – Карсону, который любил Дэвви как родного сына и предъявлял ему по-отцовски высокие требования, всегда было трудно похвалить паренька. Он отвернулся и покачал головой. – Я понимаю, что они с Лектером друг от дружки без ума, но это не повод пренебрегать своим долгом. Мужчина в первую очередь думает о выполнении обязанностей и только потом об удовольствиях. А Дэвви уже достаточно взрослый, чтобы понимать подобные вещи. Успех всей экспедиции зависит от того, насколько честно каждый из нас будет тянуть свою лямку. Когда придет весна или когда нам доставят новые припасы, тогда Дэвви сможет расслабиться и побаловать себя. Но не раньше. У каждого из ребят есть свой дракон, о котором нужно заботиться каждый день, и им следует всегда помнить об этом.

Седрик знал, что Карсон не хотел упрекать его. Однако временами он особенно остро чувствовал, что не умеет делать ничего полезного. «Никчемный, словно вымя у быка», – говорил о таких людях его отец.

«Это не моя вина, – успокаивал он себя. – Просто здесь я как рыба без воды. Если бы вдруг Карсон перенесся в общество, к которому я привык в Удачном, он бы тоже оказался не в своей тарелке и почувствовал себя бесполезным». Да, Седрик мог без труда выбрать вино для банкета или дать портному указания, как лучше подогнать камзол, но при этом совершенно не умел правильно махать топором, чтобы превратить сухое полено в дрова, и не разбирался в том, как следует разрезать убитое животное на куски, чтобы оно поместилось в горшок. Но действительно ли это его недостаток? Сам Седрик так не думал. Он вовсе не был бесполезным неумехой, просто оказался вне привычной среды. Он посмотрел вокруг – на склон дождливого холма и мрачный лес. Да уж, так далеко от своей среды обитания, что дальше просто некуда.

И он страдал от этого. Седрик с тоской вспомнил Удачный. Шум и болтовня торгового квартала, широкие мощеные городские улицы, ухоженные особняки, таверны и чайные на каждом углу! Открытые площади рынков и прохладная тень городских садов! Что бы подумал портной Джефдин, если бы увидел своего лучшего клиента в лохмотьях? Седрику вдруг до дрожи захотелось горячего глентвейна в красивом изящном кувшине. Чего бы он только, кажется, сейчас не отдал за единственное блюдо, приготовленное не на костре! За стакан хорошего вина, кусочек свежее выпеченного хлеба! Даже за миску горячей каши со смородиной и медом! До чего же ему надоели дичь, рыба и черемша. Кто бы знал, как он мечтает даже не

о десерте, а о чем-нибудь хоть немного сладком. Он пошел бы на любые жертвы ради одного-единственного полноценного ужина: чтобы блюда были приготовлены по всем правилам кулинарного искусства и поданы на тарелке, а стол застелен скатертью!

Он взглянул на идущего рядом Карсона. Его щеки над аккуратно подстриженной бородой разругались, а в темных глазах сквозила озабоченность. Сразу вспомнилась недавняя сцена: Карсон с закрытыми глазами сидит на низеньком табурете, похожий на разомлевшего кота, пока Седрик, ловко орудуя ножницами и маленьким гребнем, подравнивает ему бороду. Охотник неподвижен и покорен, он поворачивает голову, только когда Седрик просит об этом, восхищенный и как будто согретый его вниманием. Увидев, как сильный мужчина подчиняется его прикосновениям, Седрик почувствовал себя настоящим мастером. Он и буйную гриву ему подровнял, совсем чуть-чуть. Странно сказать, но для Седрика большая часть привлекательности охотника заключалась в его дикости. Он улыбнулся и вздрогнул, от приятного воспоминания волоски на шее и руках встали дыбом. Что ж, пожалуй, в этой глуши есть кое-что, ради чего Седрик отказался бы от возвращения в Удачный.

Он коснулся плеча Карсона, пока они шли рядом. Карсон усмехнулся и вдруг поднял руку и обнял молодого любовника. Он сделал это без колебаний, и сердце Седрика радостно подпрыгнуло. Гест никогда бы не выказал ему столь явное расположение на людях. Да и наедине тоже, если уж быть до конца честным. Карсон обнял Седрика крепче, и тот склонился к нему. Так они и шли. Охотник был крепок и мускулист, и это было все равно что опираться на дуб. Седрик и сам улыбнулся подобному сравнению: похоже, он уже начинает привыкать к жизни здесь, в глуши. Грубый плащ и непокорная шевелюра Карсона пахли дымом костра и настоящим мужчиной. Серебряные блики чешуек уже стали появляться в уголках его глаз: дракон изменял своего хранителя. И Седрику нравилось, как это выглядит.

Карсон потер его плечо:

– Ты замерз. Почему не надел плащ?

Тот плащ, в котором Седрик отправился в путешествие, давно сгинул в кислотных водах реки Дождевых чащоб. Предмет одежды, о котором говорил Карсон, был грубо выделанной оленьей шкурой с шерстью. Карсон сам снял ее с убитого животного, обработал и обрезал, придав определенную форму. Этот так называемый плащ завязывался на шее кожаными ремешками, которые тоже пришил Карсон. Седрик привык к мягким мехам на тканых подкладках. А этот наряд, немного жесткий, цвета сливок со стороны кожи, скрипел на ходу. Да и оленья шерсть была жесткой и топорщилась.

– Он такой тяжелый, – ответил Седрик виновато. Он не стал упоминать, что и пах новый плащ... ну, в общем, как оленья шкура.

– Тяжелый, это правда. Но зато он защитил бы от дождя, и тебе было бы теплее.

– Теперь уже в любом случае слишком далеко за ним возвращаться.

– Да уж. Ладно, будешь собирать хворост – мигом согреешься.

Седрик не стал говорить, что знает более приятный способ согреться им обоим. Он не был ленив, но не любил тяжелый физический труд, к которому Карсон привык с детства. До того как Элис втравила его в это безумное путешествие вверх по реке Дождевых чащоб, Седрик вел жизнь, приличествующую торговцу Удачного, хотя их семья и не была особо зажиточной. Он усердно работал – но головой, а не руками! Он вел учет расходов по дому и занимался многочисленными контрактами, которые Гест Финбок заключал от своего имени.

Он заботился о гардеробе Геста и составлял расписание деловых встреч. Он передавал указания Геста его слугам и разбирался с их вопросами и жалобами. Он записывал даты прибытия кораблей в гавань и отбытия их из Удачного, чтобы быть уверенным: Гест Финбок получит лучшие товары и сумеет первым пообщаться с новым купцами. Седрик был необходим Гесту для того, чтобы его хозяйство и дела шли гладко. Важен. Незаменим.

Но тут язвительная усмешка Геста, всплывшая перед мысленным взором Седрика, мигом развеяла приятные воспоминания о тех временах. Хотя что-нибудь в его прошлой жизни было на самом деле таким, как он полагал? Седрик горько призадумался. Да, он хорошо разбирался в людях, отличался незаурядными деловыми качествами и умел устраивать все наилучшим образом. Но вот ценил ли Гест эти его таланты? Или просто наслаждался, пользуясь его молодым телом? И как только он, Седрик, сносил все те унижения, которым подвергал его любовник? Седрик прикрыл глаза от струй дождя. А может, прав был отец, называя его никчемным хлыщом, годным лишь на то, чтобы щеголять в красивой одежде, за которую платил его наниматель?

– Эй, ты куда улетел? Вернись! – Карсон нежно потряс его за плечо. – Когда у тебя вдруг появляется такой взгляд, это не сулит ничего хорошего ни одному из нас. Все уже в прошлом, Седрик. Давно закончилось, так или иначе. Так что переверни страницу и перестань мучить себя.

– Я заслужил это, поскольку был круглым дураком, – отозвался Седрик.

Карсон покачал головой, и в голосе его прозвучало нетерпение:

– Тогда перестань мучить меня. Когда я вижу на твоём лице подобное выражение, то понимаю, что ты думаешь о Гесте. – Он вдруг замолчал, как будто собирался сказать что-то еще, но передумал. Спустя мгновение охотник с наигранной улыбкой поинтересовался: – Ну, и что напомнило тебе о нем на этот раз?

– Я вовсе не скучаю по Гесту, Карсон, если ты это имеешь в виду. И не мечтаю о том, чтобы вернуться к нему. Мне очень хорошо с тобой. Я счастлив, правда.

Охотник скептически пожал плечами:

– Но не настолько счастлив, чтобы перестать думать о Гесте. – Он кивнул и насмешливо посмотрел на юношу. – Мне кажется, что он не слишком хорошо с тобой обращался. И я не понимаю, почему этот человек вообще возымел над тобой такую власть.

Седрик встряхнул головой, словно бы желая вытряхнуть оттуда все воспоминания о Гесте.

– Трудно объяснить. Он очень обаятельный. И неизменно получает желаемое, поскольку искренне верит, что заслуживает этого. Когда что-то идет не так, Гест никогда не признаёт свою вину. Он перекладывает ответственность на кого-то другого и просто отходит в сторону, какой бы серьезной ни была проблема. Возникает впечатление, что Гест может легко отмахнуться от любого нежелательного события, даже если сам его спровоцировал. Он просто неуязвим и непотопляем. Сколько раз казалось: вот теперь-то ему уж точно придется ответить за последствия... И вдруг бац – и совершенно неожиданно находится какой-то выход.

Карсон внимательно смотрел на Седрика своими темными глазами, пытаясь понять.

– И это все еще восхищает тебя?

– Нет, теперь уже нет! Тогда мне казалось, что Гесту сопутствует невероятная удача. Сейчас, когда я оглядываюсь назад, то вижу, что он просто очень ловкий и беспринципный тип, виртуозно умеющий перекладывать вину на других. А я, со своей стороны, разрешал ему делать это. И довольно часто. Так что на самом деле я думаю не о Гесте. Я размышляю о своей жизни в Удачном, о том, в кого он меня превратил... или, скорее, в кого я позволил себе превратиться. – Седрик пожал плечами. – Разумеется, гордиться тут нечем. Я стыжусь того, что сделал, пока был вместе с Гестом, и того, что собирался совершить. Но в каком-то смысле я по-прежнему все тот же человек и не знаю, как измениться.

Карсон посмотрел на него искоса и широко улыбнулся:

– О, ты изменился. Поверь мне, парень, ты очень даже изменился.

Они вышли на опушку леса. Голые деревья на границе леса почти не защищали их от бесконечного дождя. Выше, на холме, росли вечнозеленые деревья, которые стали бы лучшим укрытием, но здесь было больше мертвых стволов и опавших веток для топлива.

Карсон остановился около ясеновой рощи. Он подготовил пару кожаных ремней, каждый с петлей на конце. Подавив вздох, Седрик взял свой. Он напомнил себе о двух вещах: во-первых, во время работы ему становилось теплее; а во-вторых, когда он держался наравне с Карсоном, то больше уважал себя. «Будь мужчиной», – сказал он себе и разложил ремень на земле, как учил его охотник. А тот уже начал таскать хворост и складывать его на ремень. Иногда этот здоровяк ломал ветку о колено, чтобы ее было удобнее нести. Как-то Седрик тоже попробовал, но в результате заработал такой здоровенный синяк, что Карсон пришел в ужас и запретил ему делать это впредь.

– Надо будет потом вернуться с топором и повалить парочку вон тех огромных елей. Мы можем срубить их и оставить сохнуть до конца лета. Тогда на следующий год у нас получатся отличные дрова, которые будут гореть всю ночь. Ну, что скажешь?

– Да, было бы неплохо, – без энтузиазма согласился Седрик, понимая, что это означает еще больше тяжелой работы.

Кроме того, перспектива заготавливать дрова впрок заставила юношу осознать, что следующий год он, возможно, тоже проведет здесь. Ютиться в какой-то лачуге, есть мясо, приготовленное на костре, и носить Са знает что. Год, второй, третий... Неужели ему суждено тут состариться? Кто-то из хранителей говорил, что изменения, через которые проводят их драконы, превратят их в Старших и значительно продлят срок жизни. Седрик взглянул на тонкие чешуйки на тыльной стороне запястья. Торчать тут сто лет подряд? Обитать в крохотной избушке и заботиться о своей чудаковатой драконице – неужели таким будет смысл его существования? Когда-то Старшие казались ему изящными и прекрасными созданиями, жившими в удивительных городах, полных магии.

Вещи Старших, найденные в Дождевых чащобах при раскопках погребенных поселений, были загадочными: светящиеся самоцветы и ароматические камни, каждый со своим собственным сладким запахом. Графины, миглом охлаждавшие все, чем бы их ни наполнили. Дждзин – волшебный металл, который начинал светиться от прикосновения. Чудесные колокольчики, играющие на ветру никогда не повторяющиеся мелодии. Камень, хранящий воспоминания, разделить которые можно, прикоснувшись к нему... Так много поразительных предметов принадлежало Старшим. Но этот народ давно исчез с лица земли. И если Седрик и остальные хранители станут наследниками Старших, то они, без сомнения, окажутся гнилой ветвью семейного древа: хранители драконов, которые едва ли смогут летать, лишённые магии Старших, влачащие жалкое существование в самых примитивных условиях.

Порыв ветра окатил его душем холодных капель, пролившихся с голых веток над головой. Седрик со вздохом стряхнул их со своих штанов. Ткань истончилась и обтрепалась, превратившись в лохмотья.

– Мне нужны новые штаны.

Карсон протянул мозолистую руку и взъерошил его мокрые волосы.

– Тебе и шляпа тоже нужна, – заметил он буднично.

– И из чего, интересно, мы ее сделаем? Из листьев? – Седрик постарался, чтобы вопрос прозвучал иронически, а не горько. Карсон. У него есть Карсон. Лучше уж жить здесь, но с этим человеком, чем в удачнинском особняке, но без него.

– Нет. Из коры, – спокойно пояснил охотник. – Если нам удастся найти нужный сорт дерева. Помнится, в Трехоге жила одна мастерица, так она разделяла кору на волокна, а затем плела из них нечто вроде ткани, которую пропитывала смолой, чтобы сделать водонепроницаемой. Она изготавливала из этого материала шапки и, кажется, плащи. Сам я, правда, ни разу ничего не покупал у нее. Но, принимая в расчет наши нынешние обстоятельства, почему бы и не попробовать? Не думаю, что у меня осталась хоть одна целая рубашка или пара штанов.

– Из коры, – повторил Седрик насмешливо. Он попытался представить себе, как такая шляпа будет выглядеть, и решил, что лучше уж ходить с непокрытой головой. – Может, капитан

Лефтрин привезет из Кассарика ткань? А до тех пор я постараюсь как-нибудь обходиться тем, что есть.

– Мудрое решение, поскольку деваться нам все равно некуда. – Подобная реплика в устах Геста была бы полна уничижительного сарказма. Однако у Карсона это прозвучало как добродушная шутка: человек искренне беспокоился о трудностях, которые им предстояло перенести вместе.

Ненадолго оба погрузились в задумчивое молчание. Карсон собрал солидную кипу хвоста. Он затянул ремень на вязанке и приподнял ее для пробы. Седрик с трепетом окинул взглядом свою вязанку: похоже, тяжелая, да и палки наверняка будут колоть его, а спина сегодня ночью опять разболится. А тут еще Карсон заботливо добавил несколько палок к его куче, увеличив ее в размерах. Седрик попытался подумать о чем-нибудь приятном. И предположил вслух:

– Когда Лефтрин вернется из Кассарика, он ведь, наверное, привезет нам вместе с остальными грузами и новую одежду?

На что Карсон сказал, затягивая ремень:

– Многое будет зависеть от того, заплатит ли ему Совет все, что должен, или нет. Мне кажется, торговцы будут тянуть время. Но даже если они и заплатят, то капитан сможет привезти только те товары, которые имеются в Кассарике и, возможно, в Трехоге. В первую очередь это, разумеется, будет продовольствие. Затем надо будет пополнить запасы дегтя, лампового масла, свечей, ножей и охотничьих луков. То есть всего того, что поможет нам самим позаботиться о себе. Одежда, полотно и тому подобные вещи будут на последнем месте. Это всегда стоило в Кассарике очень дорого. На болотах нет пастбищ, а стало быть, там нельзя разводить овец. Неудивительно, что, обнаружив здесь луга, капитан Лефтрин так воодушевился и решил заказать в Удачном скот. Однако стоит иметь в виду, что пройдут месяцы, прежде чем животные прибудут, и Смолянному придется вернуться за ними, совершив еще один рейс.

Как-то вечером, несколько дней тому назад, капитан Лефтрин собрал их всех на палубе Смоляного. Он сообщил, что отправляется обратно в Кассарик и Трехог, чтобы купить столько припасов, сколько сможет. Он доложит Совету торговцев Дождевых чащоб, что все обязательства по договору полностью выполнены, и заберет свои и их деньги. Если хранители хотят, чтобы он привез из Кассарика что-то особенное, пусть предупредят заранее, и он попытается достать это. Двое хранителей сразу сказали, что их заработки следует отдать семьям, остальные попросили передать родственникам послания. Рапскаль объявил, что намерен потратить все свои деньги на конфеты и пряники, поскольку он страшный сладкоежка.

Хохот не стихал до тех пор, пока Лефтрин не поинтересовался, не хочет ли кто-нибудь отправиться обратно в Трехог. Повисла тишина, хранители обменивались озадаченными взглядами. Обратно в Трехог? Оставить связанных с ними драконов и вернуться к жизни отщепенцев среди собственного народа? Если уж их сторонились еще до отъезда, то что же обитатели Дождевых чащоб подумают о них теперь? Долгое пребывание рядом с драконами не уменьшило странности в их внешнем виде. Совсем даже наоборот: чешуи и шипов стало больше, а у Тимары и вовсе появилась пара прозрачных крыльев. Похоже, теперь драконы направляли происходившие с ними метаморфозы, так что перемены были более приятными для глаз, но при этом почти все хранители уже мало походили на людей. Никто из них не смог бы вести прежнюю жизнь.

Правда, Элис не была связана с драконом и выглядела как человек, но Седрик знал, что она тоже не поедет домой. В Удачном ее не ожидало ничего, кроме позора. Даже если бы Гест пожелал принять жену обратно, она не вернулась бы в оковы фальшивого брака, где любви не было и в помине. С тех пор как Седрик рассказал ей всю правду об их отношениях с Гестом, она считала свой брачный контракт с богатым торговцем Финбоком недействительным. Она останется здесь, в Кельсингре, и будет ждать возвращения своего чумазого речного капитана.

Хотя Седрик и не мог понять, что же так привлекало ее в этом мужчине, он вынужден был признать, что сейчас, поселившись в каменной лачуге с Лефтрином, Элис выглядела гораздо более счастливой, чем в ту пору, когда жила в роскошном особняке Геста.

А он сам?

Седрик окинул Карсона взглядом и мгновение просто смотрел на него. Охотник был простоватым крупным мужчиной, привлекательным на свой грубый манер. Гораздо сильнее, чем Гест когда-нибудь станет. И намного добрее, чем Гест когда-либо был.

Если подумать, сам Седрик тоже был счастливее, живя в каменной лачуге с Карсоном, чем прежде в особняке Финбока. В его жизни больше не было места лжи. В ней не было обмана. Зато появилась маленькая медная драконица, которая любила его. И тоска Седрика по Удачному разом поблекла.

– Чему ты улыбаешься?

Седрик помотал головой, а затем честно ответил:

– Карсон, я так счастлив с тобой!

Улыбка искренней радости осветила лицо охотника, когда он услышал эти слова:

– А я счастлив с тобой, парень из Удачного. И мы оба будем еще счастливее сегодня ночью, если хорошенько управимся с этим хворостом. – Карсон наклонился, подхватил вязанку за ремень и вскинул на плечо. Он легко разогнулся и ждал, что Седрик сделает то же самое.

Седрик повторил его движения и с кряхтением взвалил свою вязанку на плечо. Он смог разогнуться, только сделав два неловких шага, чтобы удержаться на ногах.

– О всемогущий Са, до чего же тяжело!

– Да уж, тяжело. – Охотник ухмыльнулся. – Это в два раза больше того, что ты смог бы унести месяц назад. Я тобой горжусь. Пойдем.

Он им гордится! До чего же приятно было такое слышать.

– Я и сам собой горжусь, – пробормотал Седрик и пошел следом за Карсоном.

Седьмой день месяца Надежды, седьмой год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, – Рейалу, исполняющему обязанности смотрителя голубятни в Удачном

Дорогой племянник!

Мы с Эреком от души советуем тебе впредь сдерживать свой нрав и проявлять самообладание. Не позволяй Киму спровоцировать тебя на гнев или обвинения, которые мы не сможем доказать. Нам уже не впервые приходится вести с ним неприятную переписку. Я по-прежнему считаю, что Ким получил должность смотрителя голубятни, дав взятку. Но если так, то, похоже, у этого типа есть друзья в Совете Кассарика, который утвердил его продвижение по службе, и, подавая туда жалобы, мы ничего не добьемся.

Я знаю нескольких подмастерьев Кима, потому что они учились у меня здесь, в Трехоге, и все еще поддерживаю с ними связь. Постараюсь потихоньку все у них разузнать. А ты пока что передай его послание своим наставникам, пусть сами решают, что с этим делать. Пока ты официально не получишь статус смотрителя голубятни, тебе будет трудно говорить с Кимом на равных. Мы с Эреком сомневаемся, что вообще следовало возлагать на тебя столь трудную задачу.

Не переживай, на нынешний момент ты сделал все, что мог. И главное, ты очень способный мальчик и прекрасно умеешь обращаться с птицами. Мы с Эреком уверены, что все образуется.

Теперь о хорошем. Две пятнистые быстрые голубки, которых ты послал нам в качестве свадебного подарка, нашли себе пары и теперь выводят потомство. Я с нетерпением

жду дня, когда можно будет отправить к тебе нескольких их подросших птенцов, чтобы рассчитать длительность обратного полета. Признаться, подобная перспектива очень меня вдохновляет.

Мы с Эреком до сих пор так еще и не решили, кто из нас к кому переедет: это сложный вопрос. Что касается свадьбы, то в нашем возрасте хотелось бы провести церемонию быстро и без лишнего шума, однако наши родные и слышать об этом не желают. Так что придется им подчиниться. Бедные мы, бедные!

*С любовью и уважением,
тетушка Детози*

Глава 3. Пути-дороги

Хотя Тимара всю жизнь провела в Дождевых чащобах, никогда еще она не видела такого ливня. Во времена ее детства, прошедшего в Кассарике и Трехоге, бескрайние леса, покрывавшие берега реки Дождевых чащоб многослойными навесами из листьев, защищали эти построенные на деревьях города. Мощные листья останавливали потоки зимних дождей. Конечно, они точно так же не пропускали и солнечный свет, но Тимару это не слишком огорчало. Если ей хотелось увидеть солнце, она всегда могла просто забраться повыше. А неистовое буйство водной стихии никогда не приводило девочку в восхищение.

Здесь же у нее не было выбора. Луг, который обрамлял реку, не был похож на тенистые прибрежные леса Дождевых чащоб. Густая трава доходила до пояса, а где-то и до плеч, а вместо болотистой почвы под ногами повсюду ощущалась твердая земля, усыпанная камнями – множеством удивительных твердых обломков самой различной структуры и цвета. Девушка частенько задумывалась, откуда они все взялись и как здесь оказались. Сегодня ветер носился по открытым просторам, щедро бросая струи дождя ей в лицо и за воротник плаща. Одежда Тимары, истончившаяся из-за слишком частых контактов с едкой водой реки Дождевых чащоб, совершенно не защищала от непогоды: мягкая и мокрая, она липла к коже. И девушка предвидела, что весь оставшийся день ей придется провести в холоде и сырости. Она потеряла красные замерзшие руки. И без того было достаточно трудно охотиться с тем жалким набором оружия, что остался в ее распоряжении, а тут еще и руки одеревенели.

Тимара догадалась, что Татс идет следом, еще до того, как он догнал ее: услышала шлепанье мокрой травы по его ногам и тяжелое дыхание парня, бежавшего наверх. Она не оборачивалась до тех пор, пока он, задыхаясь, не спросил:

– Собралась на охоту? Помощь нужна?

– Почему бы и нет? Поможешь отнести мою добычу драконам. – Тимара не стала говорить то, что они оба и так знали: Карсону не нравилось, когда ребята охотились поодиночке. Он утверждал, что видел следы хищников, достаточно больших, чтобы напасть на человека, и постоянно повторял: «Крупная дичь обычно привлекает крупных хищников. Поэтому, отправляясь на охоту, обязательно возьмите напарника». Не то чтобы Карсон командовал ими, просто у него было больше опыта.

Татс ухмыльнулся; белые зубы сверкнули на его покрытом тонкой чешуей лице.

– Да ты никак думаешь, что сам я ничего не подстрелю? А может, я добуду столько мяса, что это тебе придется помогать мне нести его?

Девушка усмехнулась в ответ:

– Ты неплохой охотник, Татс. Но мы оба знаем, что я лучше.

– Ясное дело, ты же занимаешься этим чуть ли не с рождения. Отец стал учить тебя, как только ты смогла балансировать на ветке. Мне кажется, я достаточно хорош для того, кто начал позже.

Татс зашагал рядом с ней. На узкой тропинке это было не слишком удобно: молодые люди постоянно сталкивались локтями, но он не проходил вперед и не отступал назад. Когда они вышли на опушку леса, трава стала ниже, а затем и вовсе уступила место листьям и мху. Деревья останавливали ветер, и это порадовало Тимару. Она быстро кивнула, принимая комплимент Татса. И заметила:

– У тебя получается гораздо лучше, с тех пор как мы уехали из Трехога. И мне кажется, что ты привыкнешь к этой наземной охоте намного быстрее, чем я. Все тут настолько непохоже на то, что было у нас дома.

– Дома, – сказал Татс, и она не смогла понять, сладко или горько прозвучало для него это слово. – Я думаю, что теперь наш дом здесь, – неожиданно добавил он.

Тимара искоса посмотрела на своего спутника, пока они продирались сквозь подлесок. И изумленно спросила:

– Ты что, собираешься остаться тут навсегда?

Он поднял руку и закатал рукав, обнажив покрытую чешуей кожу:

– Не могу представить возвращение в Трехог в таком виде. А ты?

Ей не нужно было расправлять крылья или смотреть на черные когти, с рождения заменявшие ей ногти.

– Если дом – это место, где тебя принимают таким, какой ты есть, то Трехог никогда не был для меня домом.

«Не время сейчас предаваться воспоминаниям о Трехоге и пустым сожалениям, – сказала она себе. – Пора охотиться. Синтара сильно проголодалась».

Сегодня Тимара хотела найти новую звериную тропу, на которой они еще не охотились. Вскоре молодые люди обнаружили одну, но идти по ней было сложно. Они оба тяжело дышали, хотя Татс уже не так пыхтел, как в первое время после отъезда из Трехога. Путешествие на «Смоляном» закалило их всех, с одобрением подумала Тимара. Все хранители вытянулись и окрепли, причем парни росли так быстро, что это почти пугало. Татс стал выше и раздался в плечах. Фенте, его драконица, тоже изменяла своего хранителя. Прежде он единственный из них выглядел абсолютно нормальным человеком.

Татс был из числа рабов, бежавших в Трехог во время войны с Калсидой. Здесь он стал свободным, но на его лице остались две татуировки, которые делали всем рабам еще в младенчестве: на левой щеке была выбита паутина, а возле носа – скачущая лошадка. Когда дракон начал менять Татса, татуировки тоже изменились: теперь они выглядели стилизованными рисунками, больше отмеченными чешуей, чем чернилами, впрыснутыми под кожу. Его темные глаза и волосы остались такими, как прежде, но Тимара подозревала, что причина его быстрого роста и возмужания заключается не столько в обычном взрослении, сколько в том, что он становится Старшим. Ногти юноши отливали зеленым – это был цвет Фенте, его маленькой королевы-драконицы. Когда свет падал на кожу Татса, на его чешуе начинали играть малахитовые блики. Тень листьев, сосновые иголки, зелень леса... Тимара остановила бег своих мыслей.

– То есть ты думаешь, что проведешь здесь всю свою жизнь? – Эта идея показалась девушке странной. Она чувствовала себя немного потерянной с тех пор, как они достигли цели, обнаружили древний город. Покидая Трехог, каждый из них подписал договор, где была четко обозначена задача хранителей: подняться вверх по реке и найти там место, где поселятся драконы. О поисках легендарной Кельсингры даже речи не шло. Тимара согласилась на эту работу, чтобы хоть на какое-то время сбежать из дома, и не строила никаких планов относительно того, что будет дальше. Сейчас она представила, как проживет свою жизнь здесь, вдали от людей, которые сделали ее изгоем.

С одной стороны, может, и неплохо... Но с другой – это означало, что она больше не вернется домой. Тимара не слишком любила мать, и это чувство было взаимным. Но она была очень близка с отцом. И что, они теперь никогда больше не увидятся? Он не узнает, что дочка добилась своей цели? Нет, что за глупости! Капитан Лефтрин собрался в Кассарик за припасами. Как только он прибудет туда, новости об их находке разлетятся, как мошки, по всем Дождевым чащобам. Так что отец скоро обо всем узнает. Но захочет ли он приехать, чтобы увидеть все своими глазами? Отправится ли она домой навестить его? Прошлым вечером, на общем собрании, Лефтрин спросил, не хочет ли кто-нибудь из них вернуться в город. После его вопроса повисла тишина. Хранители лишь недоуменно переглядывались. Оставить своих драконов? Вернуться в Трехог, чтобы снова вести там жизнь отверженных? Ну уж нет. Для остальных этот вопрос оказался простым.

Для Тимары все было сложнее. Иногда ей хотелось бросить своего дракона. Синтара, прямо скажем, была не самым обаятельным созданием на свете. Она всю помыкала храни-

тельницей, подвергала ее опасности ради собственного развлечения, а однажды даже чуть не утопила, пытаясь поймать рыбу. Синтара никогда не просила у девушки прощения, ей это даже в голову не приходило. Драконица была столь же саркастичной и циничной, сколь и прекрасной внешне. Но даже если бы Тимара и решилась покинуть свою подопечную, ей очень не хотелось возвращаться на борт «Смоляного» и отправляться вниз по реке.

Она до сих пор с ужасом вспоминала бесконечное путешествие на баркасе, жизнь в тесноте и у всех на виду. Возвращение в Трехог вместе с Лефтрином означало бы расставание с новыми друзьями и невозможность узнать, что же они найдут в легендарном городе Старших. Так что, пожалуй, она лучше останется здесь, вместе со всеми, продолжит охотиться, добывая пропитание для драконов, пока капитан не вернется с грузом. А что потом?

– Ты собираешься остаться здесь навсегда? – снова спросила она Татса, потому что он так и не ответил на ее первый вопрос.

Он произнес тихо, поскольку лес не любит лишнего шума:

– А куда еще нам деваться? – Юноша небрежно указал на ее лицо, а потом на свое. – Драконы поместили нас как своих хранителей. Фенте достигла больших успехов в полетах, чем Синтара, однако я сомневаюсь, что в ближайшее время хоть одна из наших королев станет достаточно самостоятельной. И даже если они сами смогут охотиться, то все равно захотят, чтобы мы были рядом, ухаживали за ними, да просто для компании. Теперь мы Старшие, Тимара. Старшие всегда жили подле драконов. А драконы останутся здесь. Так что – да, я полагаю, что проведу здесь всю жизнь. Ну, или, во всяком случае, пока Фенте будет тут.

Он тихо поднял руку, показывая, в каком направлении, на его взгляд, лучше двигаться дальше. Тимара решила не спорить и пошла вперед. Татс шел следом и говорил ей в спину, пока они скользили друг за другом через лес:

– Я правильно понял, что ты подумываешь о возвращении в Трехог? Ты и впрямь считаешь, будто это возможно для таких, как мы? Я знаю, что Синтара не всегда хорошо с тобой обращается. Но где еще ты теперь сможешь жить? Ведь у тебя появились крылья, Тимара. Я не могу представить, что ты лазаешь по деревьям и скачешь с кроны на крону, как раньше. Куда бы ты ни пошла, люди будут бесцеремонно пялиться на тебя, если не хуже.

Тимара плотнее прижала крылья к телу и нахмурилась: надо же, она и не почувствовала, как сделала это. Чужеродные отростки все больше и больше становились неотъемлемой частью ее организма. Спина все еще болела из-за них, и девушка по-прежнему злилась, когда утром пыталась приладить одежду вокруг крыльев. Но сейчас она пошевелила ими машинально, даже не задумываясь об этом.

– Твои крылья очень красивые, – сказал Татс, как будто подслушав ее мысли. – Они стоят всех тех неудобств, которые тебе приходится ради них выносить.

– Они бесполезные, – огрызнулась Тимара, стараясь не показывать, насколько ей приятна его похвала. – И даны мне словно бы в насмешку. Я ведь никогда не сумею подняться в воздух.

– Ну да, это правда, но они все равно прекрасны.

Теперь, когда Татс согласился с тем, что она не полетит, это ранило девушку так больно, что даже комплимент не утешил.

– А вот Рапскаль думает, что я полечу, – резко ответила она.

Татс вздохнул:

– Рапскаль думает, что однажды они с Хеби отправятся на Луну. Тимара, для того чтобы ты смогла взлететь, твои крылья должны стать гораздо больше. Настолько огромными, что ты просто согнешься под тяжестью их веса. Рапскаль никогда не задумывается о том, как все устроено на самом деле. Он живет в мире грез и полон фантазий, строит самые невероятные прожекты. И к тому же мы оба знаем, что он хочет заслужить твоё расположение и скажет все, что угодно, лишь бы только этого добиться.

Девушка оглянулась на Татса, и кислая улыбка скривила ее губы, когда она заметила:

– В отличие от тебя.

Он усмехнулся, в глазах сверкнул вызов:

– Ты знаешь, что я хочу тебя и не скрываю своих намерений. Я всегда честен с тобой, Тимара. Я не собираюсь уподобляться безумцу, щедро расточающему нелепые похвалы, и надеюсь, что ты сумеешь оценить человека, который предпочитает говорить правду.

– Я ценю твою честность, – ответила она и прикусила язык, прежде чем напомнить Татсу, что он не всегда был так уж честен с нею.

Он не сказал Тимаре, что встречался с Джерд. Хотя и Рапскаль тоже не упомянул об этом. Конечно, Рапскаль вовсе не собирался скрывать от нее правду. Он просто не думал, что это так уж важно.

Да и вообще, похоже, что большинство парней-хранителей уже воспользовались благосклонностью Джерд. И судя по тому, что знала Тимара, до сих пор продолжали ею наслаждаться. И снова возник вопрос: да ей-то не все ли равно? Татс ведь больше не встречается с Джерд. Судя по всему, он даже не придает особого значения тому, что сделал. Так почему же это так важно для нее самой?

Тимара замедлила шаг. Они приближались к большой поляне: деревья становились реже и впереди был виден свет. Она жестом велела Татсу не шуметь и замедлить шаг, взяла свой плохонький лук и положила на него стрелу. Так, теперь нужно быть предельно внимательной и смотреть во все глаза. Она прислонилась плечом к дереву, чтобы занять более устойчивую позицию, и начала медленно осматриваться.

Тимара смогла сфокусировать взгляд, но вот сосредоточиться никак не получалось: мешали мысли о Джерд. Та очень быстро отбросила правила, которые традиционно прививали всем, кто воспитывался в Дождевых чащобах. Таким девушкам, как Тимара, Сильве и Джерд, не разрешалось выходить замуж. Всем было известно, что младенец, отмеченный с рождения чешуей или когтями, скорее всего, рано умрет. Эти дети не стоили вложений, необходимых для того, чтобы вырастить их, и даже если вдруг и выживали, то редко производили здоровое потомство.

Тем, у кого имелись какие-либо отклонения, не разрешалось создавать семью, а внебрачные связи были строго запрещены абсолютно всем жителям Дождевых чащоб. Но Джерд решительно отринула оба этих запрета. Она была довольно привлекательной девушкой: густые волосы, яркие глаза и стройная фигурка. Джерд решала, с кем из хранителей хочет разделить постель, а потом хватала их по одному зараз, как кошка, дежурившая у мышиной норки, нисколько не задумываясь, к чему приведет ее аппетит. Даже когда парни дрались из-за нее, она, похоже, принимала это как должное. Тимара, с одной стороны, отчаянно завидовала тому, как свободно вела себя Джерд, а с другой – злилась на эту безголовую девицу, которая привнесла разлад в их сплоченную компанию.

В конце концов Джерд дорого заплатила за свою беспечность: даже вспоминать не хотелось о том, как ее нежеланная беременность закончилась выкидышем. Тимара была среди женщин, которые помогали Джерд, когда у той начались преждевременные роды. Она видела крошечное тело уродливого младенца – девочки-рыбы, чей трупик отдали драконице Верас. Самое удивительное, что Тимара извлекла для себя из случившегося урок, предусмотрительно воздерживаясь от того, чтобы делить свое тело с кем-то из хранителей, тогда как на Джерд произошедшее, похоже, совсем не повлияло: она беспечно получала удовольствие в любой момент, когда бы ни пожелала. Ну не нелепо ли? Временами Тимара возмущалась эгоизмом и глупостью Джерд, которая могла втравить их всех в неприятности, но чаще она завидовала тому, как независимо держится эта девушка: она сама распоряжается своей свободой и следует собственному решению, казалось совершенно не принимая во внимание, что подумают о ней другие.

Свобода и право выбора – вот что привлекало Тимару. Что ж, она тоже воспользуется свободой и сделает свой выбор.

– Я останусь, – сказала она тихо. – Но не ради моего дракона. И даже не ради моих друзей. Я останусь здесь ради себя самой. Чтобы создать место, которое и правда смогу назвать своим домом.

Татс внимательно посмотрел на нее.

– Не ради меня? – спросил он бесхитростно.

Тимара покачала головой.

– Честность превыше всего, – напомнила она ему тихо.

Он отвел глаза:

– Ну, по крайней мере, ты не сказала, что останешься ради Рапскаля. – И вдруг, довольно неожиданно, Татс подал знак – со свистом втянул в себя воздух.

Мгновением позже девушка прошептала:

– Я вижу его.

Зверь, который осторожно двигался по поляне вдоль края леса, был великолепен. Хотя Тимара уже начала привыкать к тому, каких огромных размеров достигали копытные животные в этом сухом лесу, прежде она ни разу не видела таких крупных особей. Казалось, между кончиками его рогов можно запросто натянуть гамак. Они, правда, были не такими ветвистыми, как у оленей, встречавшихся ей здесь раньше, – его рога больше походили на руки с широко расставленными пальцами.

Зверь, приближавшийся к ним, заслуживал этой массивной короны. Его гигантские плечи были покрыты мясистыми буграми мышц. Он вышагивал, словно богатый купец по рынку, неторопливо переставляя ноги. Животное небрежно окинуло поляну взглядом больших темных глаз и расслабилось. Тимару это не удивило. Какой хищник мог бы напасть на создание такого размера? Она натянула тетиву и затаила дыхание, хотя шансов на успех было мало. В лучшем случае она лишь пробьет толстую шкуру зверя. Если рана окажется серьезной или вдруг начнется сильное кровотечение, они с Татсом смогут проследить жертву до места смерти. Но убить оленя прямо тут им определенно не под силу.

Она сжала зубы. Вся история могла затянуться до самого вечера, но количество мяса, которое они получили бы в результате, с лихвой окупало бы любые усилия. Еще шаг – и она сможет хорошенько прицелиться и выстрелить.

И тут вдруг с неба упала сверкающая алая молния. Земля задрожала, когда дракон напал на гигантского оленя. Тимара от неожиданности выпустила стрелу, и та полетела куда-то в сторону, никого не задев. В то же мгновение с громким хрустом сломался хребет оленя. Бедный зверь взревел в агонии, но звук тут же прервался: челюсти дракона сомкнулись на его глотке. Хеби слегка приподняла свою жертву, практически оторвав ей голову, а затем швырнула на землю, чтобы отодрать с мягкого живота огромный кусок шкуры вместе с внутренностями. Запрокинув голову назад, она проглотила мясо. Часть кишок протянулась между ее пастью и добычей.

– О Са милосердный, помилуй нас! – прошептал Татс.

Когда он заговорил, драконица пристально уставилась на них. Ее глаза сверкнули яростью, и в них закружились алые вихри. С ее оскаленных зубов стекала кровь.

– Это твоя добыча, – успокоил ее Татс. – Мы уже уходим. – Он схватил Тимару за плечо и потянул обратно, под прикрытие леса.

Девушка все еще сжимала свой лук.

– Моя стрела! Эта была лучшей из всех, что у меня есть. Ты видел, куда она полетела?

– Нет, – отрезал Татс, который совершенно не собирался сейчас искать стрелу. Он оттащил девушку поглубже в лес, а потом повел в обход поляны.

– Вот же проклятая Хеби! – сказал он тихо. – Такую кучу мяса утащила прямо у нас из-под носа!

– Нельзя ее в этом винить, – заметила Тимара. – Она лишь повела себя как настоящий дракон.

– Я знаю. Хеби просто сделала то, что подобает драконам, и как бы я хотел, чтобы моя Фенте стала такой же. – Татс виновато покачал головой, как будто стыдясь того, что придирается к своей подопечной. – Но пока они с Синтарой прикованы к земле, мы обречены добывать им мясо. Так что лучше бы нам продолжить охоту. Ага, вот и она.

Он нашел звериную тропу, которая привела гигантского оленя на поляну. Тимара по привычке подняла глаза вверх. Местные деревья не были похожи на привычных ей исполинов. Дома она бы влезла на гигантский ствол и, бесшумно перебираясь с ветки на ветку, незримо перемещалась бы от дерева к дереву, следуя вдоль звериной тропы. Она бы выслеживала добычу сверху. Но здесь большинство деревьев сбросили листья на зиму и не дали бы ей укрытия. К тому же ветви их не соприкасались друг с другом, как это было дома, в Дождевых чащах.

– Нам придется охотиться на земле, причем тихо, – сказал Татс, словно бы подслушав ее мысли. – Но сначала мы должны уйти подальше с территории Хеби. Я даже отсюда чувствую запах смерти.

– Не говоря уже о том, что мы слышим ее звуки, – ответила Тимара. Драконица насыщалась шумно: хрустела костями и довольно чавкала. Когда они оба замолчали, Хеби вдруг заурчала, как кот, играющий с мертвой добычей, а затем раздался громкий треск.

– Скорее всего, доедает рога, – предположил Татс.

Тимара кивнула:

– Я никогда не видела такого крупного оленя. Вообще сроду не встречала настолько огромных животных, если не считать драконов.

– Драконы не животные, – поправил ее Татс. Он шел впереди, а Тимара следовала за ним. Они бесшумно передвигались и говорили вполголоса.

Девушка тихонько рассмеялась:

– Тогда кто же они?

– Они драконы. Точно так же, как и мы не животные. Они умеют говорить и мыслить. Между прочим, именно это отличает людей от зверей.

Тимара замолчала на какое-то время, осознавая услышанное. Она не была уверена, что согласна с этим заявлением.

– Похоже, ты уже думал об этом прежде.

– Да, представь себе. – Татс низко нагнулся и придержал ветку. – Став хранителем Фенте, я уже на третью ночь призадумался: кто же она такая? Точно не домашний питомец, но и на дикое животное, и на птицу тоже не похожа. Равно как и на ручную обезьянку, которых собиратели используют, чтобы те приносили им фрукты с самых высоких веток. Да и меня никак нельзя считать ее слугой, пусть я и делаю для нее много чего: добываю еду, удаляю из глаз паразитов, чищу крылья.

– Ты уверен, что не слуга ей? – спросила Тимара с кислой улыбкой. – Или даже не раб?

Он вздрогнул, услышав это слово, и она напонила себе, с кем говорит. Мать Татса продали в рабство в наказание за совершенные преступления, так что он родился уже рабом. Возможно, он не сохранил воспоминаний о неволе, так как был совсем маленьким, когда его освободили. Но Татс рос с татуировками на лице и сознанием того, что из-за этих отметин многие люди судят о нем предвзято.

Они подошли к низкой каменной стене, увитой плющом. За ней было несколько разрушенных хижин. Деревья росли внутри и вокруг них. Тимара обшарила их взглядом, а Татс сразу двинулся дальше. Развалины домов в лесу встречались так часто, что стали уже привычным делом. Не будь Синтара так голодна, Тимара осмотрела бы их в поисках чего-нибудь полезного. Кое-кто из хранителей находил в разрушенных жилищах части инструментов, головки

молотов, лезвия топоров и даже ножи. Те, что были сделаны Старшими, не затупились даже столько лет спустя. На сломанном столе сохранились чашки и осколки разбитых тарелок. Что бы ни уничтожило Кельсингру, это произошло внезапно. Жители не успели даже собрать свои пожитки. Кто знает, какие диковинки можно обнаружить в развалинах? Но голод ее драконицы давил на сознание Тимары, словно кинжал, приставленный к спине. Нужно будет вернуться позже, когда будет больше времени. Если Синтара вообще хоть когда-нибудь позволит ей заняться своими делами.

А Татс, оказывается, все-таки решил ответить на вопрос Тимары:

– Я не раб Фенте, потому что делаю все совсем не так, как это стал бы делать раб. Пожалуй, это больше похоже на заботу о маленьком ребенке. Я горжусь тем, что могу сделать ее счастливой, и радуюсь, когда навожу красоту, полируя ее чешуйки. Это такое удовольствие – положить перед Фенте кусок мяса или большую рыбину и ощутить, как хорошо моя девочка себя чувствует, насыщаясь.

– Это чары, – горько произнесла Тимара. – Мы все знаем о том, что драконы способны туманить разум. Синтара постоянно этим пользуется. Я не раз обнаруживала, что занимаюсь чем-то, что мне очень хотелось сделать, а закончив, понимала, что это было совсем даже не мое желание. Просто Синтара заставила меня выполнять все, что ей нужно. – При одной лишь мысли о том, что большая синяя королева вертит ею, как хочет, девушка от досады чуть ли не заскрежетала зубами.

– Я знаю, что Синтара проделывает это с тобой. Я несколько раз видел, как это происходило. Посередине разговора, когда мы беседовали о чем-то важном, ты вдруг останавливалась и, даже не взглянув на меня, говорила, что прямо сейчас тебе нужно идти охотиться.

Тимара хранила виноватое молчание. Ей не хотелось объяснять Татсу, что он ошибается и охота просто была благовидным предлогом, чтобы сбежать от него, когда их разговор становился слишком напряженным.

Похоже, Татс даже не заметил, что собеседница с ним не согласилась.

– Но Фенте никогда так себя со мной не ведет. Ну, почти никогда. Мне кажется, она любит меня, Тимара. Ведь драконица так бережно изменяет меня, проявляет особое внимание к этим переменам. А иногда, после того как я покормлю ее и почишу, Фенте просто хочет, чтобы я остался и составил ей компанию. Потому что ей нравится проводить со мной время. Такого у меня никогда прежде не было. Пока я был маленьким, мать вечно просила соседей присмотреть за мной. А когда она убила того мужчину, то просто сбежала.

Я склоняюсь к тому, что это был несчастный случай, что она просто хотела ограбить его. Может, она думала, что ей просто надо затаиться на какое-то время. Не исключено, что мама собиралась потом вернуться ко мне. Но так и не вернулась. Когда она поняла, что попала в беду, то просто сбежала и все, бросив сына на произвол судьбы. А Фенте хочет, чтобы я был с ней. Может, она и не любит меня по-настоящему, но она точно хочет, чтобы я находился рядом. – Татс пожал плечами, чтобы Тимара не сочла его слишком уж сентиментальным. – Единственным, кто когда-либо относился ко мне с симпатией, был твой отец, но даже он всегда сохранял между нами дистанцию. Я знал: ему не нравилось, что я провожу с тобой слишком много времени.

– Его беспокоило, что могут подумать наши соседи. Или моя мать. В Дождевых чашобах очень строгие правила. Никто не должен был ухаживать за мной. Потому что мне категорически запрещалось выходить замуж и рожать детей. Или даже заводить любовника.

Татс удивленно показал на отметины рогов на дереве, мимо которого они проходили. Олень, который их оставил, явно был так же велик, как и тот, которого убила Хеби. Тимара осторожно дотронулась до них пальцами. Это точно следы рогов? Или отметины когтей? Нет, она даже представить себе не могла древесного кота таких размеров.

– Да, я слышал об этих правилах, – кивнул Татс. – Но долгое время даже не думал о тебе в этом смысле. Я тогда не особо интересовался девчонками. Я просто завидовал тому, что у тебя было: дом и родители, постоянная работа и нормальная еда. Мне тоже очень хотелось иметь все это.

Он остановился на развилке звериной тропы и вопросительно поднял бровь.

– Иди по левой, она больше утоптана, – посоветовала ему Тимара. – Татс, мой дом вовсе не был таким чудесным, как тебе казалось. Родная мать меня ненавидела. Она стыдилась меня.

– Мне кажется... Ну, я не уверен, что мать тебя ненавидела. Я думаю, что, возможно, это поведение соседей заставило ее стыдиться собственного желания любить тебя. И в любом случае мама ведь тебя не бросила. И не выгнала из дома. – Он говорил почти упрямо, настаивая на своей правоте.

– Кроме того самого первого раза, когда отдала новорожденную дочь повитухе, чтобы та бросила меня в лесу, – горько заметила Тимара. – Это ведь отец принес меня обратно и заявил, что собирается дать мне шанс. Он буквально навязал ей ребенка.

Но Татса это не убедило.

– А мне кажется, что именно этого твоя мама и стыдилась. Не того, какая ты родилась, а того, что она не смогла защитить тебя перед повитухой и сказать, что принимает тебя, несмотря на когти и прочее.

– Может быть, – ответила Тимара.

Ей не хотелось об этом думать. Какой смысл ворошить это сейчас, когда уже прошло столько времени, а она находится так далеко от родителей? Все равно невозможно спросить маму, что она тогда чувствовала. Тимара знала, что отец любил ее, и старалась не забывать об этом. Как знала и то, что он был согласен с установленными правилами: его дочери нельзя заводить мужа или любовника, а также рожать детей. Каждый раз, задумываясь о том, чтобы преступить запреты, Тимара чувствовала, что предает его и все, чему он ее учил. Папа любил ее. Он считал, что строгие правила нужны для ее же собственной безопасности. Может ли она быть умнее отца в этих вопросах?

Похоже, ей придется принять очень непростое решение. Нет, разумеется, выбор за ней. Но, если Тимара сочтет, что отец был не прав и она может выбрать себе пару, не разрушит ли это каким-то образом ее любовь к нему? И не станет ли папа из-за этого меньше любить ее? Она знала, что он будет недоволен дочерью, даже если примет ее выбор.

И даже на таком расстоянии его недовольство ранило. Возможно, оттого, что Тимара находилась так далеко от дома и была так одинока, она только острее переживала. Будет ли отец разочарован, если узнает, что она целовалась с Татсом, позволяла ему дотрагиваться до себя?

Разумеется, будет. Она покачала головой, и Татс обернулся:

– Ты чего?

– Ничего, просто задумалась.

И как только Тимара это сказала, она почувствовала ритмичный стук. Кто-то бежал, не пытаясь скрыться, приближаясь к ним сзади по тропе.

– Что это? – спросил Татс и осмотрел деревья поблизости.

Тимара знала, о чем он подумал: если придется прятаться, то надежнее всего будет забраться на дерево.

– Две ноги, – вдруг сказала она и сама удивилась, что смогла определить это по звуку шагов.

Мгновением позже появился Рапскаль.

– Вот вы где! – закричал он весело. – Хеби сказала, что вы где-то поблизости.

Он улыбался от радости, что нашел их. Довольный жизнью, как и всегда. Тимара редко могла, посмотрев на Рапскаля, не улыбнуться в ответ. Он сильно изменился с тех пор, как они покинули Трехог. Трудности и лишения закаляли, да и естественный процесс взросления шел

быстро: мальчишка превращался в мужчину. Он сильно вытянулся и стал гораздо выше среднего роста. Как и сама Тимара, Рапскаль при рождении был отмечен Дождевыми чашобами. За время путешествия он стал очень стройным и гибким. Его чешуя теперь была ярко-алой, как и шкура Хеби. Его глаза всегда были необычного оттенка голубого цвета, а теперь в них еще появилось то постоянное сияние, какое некоторые жители Дождевых чашоб приобретали с возрастом, однако порой теплая нежная лазурь вдруг сменялась серебристым блеском холодной стали. Однако черты его лица, вместо того чтобы стать драконоподобными, соответствовали канонам человеческой красоты: тонкий прямой нос, гладкие щеки, четкая линия подбородка, который за последние месяцы сделался более решительным.

Рапскаль встретил взгляд девушки, довольный тем, что застал ее врасплох. Тимара отвела глаза. И когда его лицо стало таким привлекательным?

– Вообще-то, мы пытались охотиться, – раздраженно ответил Татс на приветствие Рапскаля. – Но похоже, вы со своей драконицей распугали всю дичь на многие мили вокруг.

Улыбка медленно сползла с лица Рапскаля.

– Простите, – сказал он искренне. – Я просто не подумал. Хеби очень обрадовалась, найдя столько еды, а это так здорово, когда она сытая и довольная. Я тоже почувствовал себя счастливым, и мне захотелось побыть с друзьями.

– Ясно. Но вот Фенте сегодня повезло меньше. И Синтаре тоже. Нам нужно охотиться, чтобы накормить своих дракониц. Если бы Тимара подстрелила того оленя, которого Хеби утащила прямо у нас из-под носа, у нас было бы достаточно мяса, чтобы принести им обеим еды.

Рапскаль стиснул зубы и принялся оправдываться:

– Но Хеби не знала, что вы рядом, пока не убила оленя. Она не собиралась отнимать у вас добычу.

– Так-то оно так, – брюзгливо сказал Татс. – Но все равно по вашей с нею милости мы потеряли полдня.

– Мне жаль, что так вышло. – Голос Рапскаля стал напряженным. – И между прочим, я ведь уже извинился.

– Все в порядке, – торопливо произнесла Тимара. Странно, обидчивость была совершенно нехарактерна для Рапскаля. – Я знаю, что вы с Хеби не хотели испортить нам охоту. – Она бросила на Татса укоризненный взгляд. Фенте была так же своевольна, как и Синтара. Неужели не ясно, что Рапскаль не мог бы помешать Хеби напасть на оленя, даже если бы знал, что они нацелились на ту же добычу? Ох, похоже, на самом деле причина недовольства Татса совсем иная.

– Что ж, есть отличный способ исправить это упущение, – заявил Татс. – Когда Хеби закончит трапезу, она может убить еще какого-нибудь зверя. На сей раз для наших драконов.

Рапскаль изумленно воззрился на него:

– Но когда Хеби пообедает, ей нужно будет отдохнуть. А затем она доест все, что осталось. Ну, и к тому же драконы не охотятся для других драконов. Просто она никогда этого не делала... и вообще, это неправильно. – Решительно взглянув Татсу в лицо, он добавил: – Ты же знаешь, что на самом деле проблема в том, что ваши драконы не умеют летать. Если бы они могли подняться в воздух, то сами бы выслеживали и убивали добычу. И я уверен, им бы это понравилось не меньше, чем Хеби. Вы должны научить их летать.

Татс уставился на него. В его глазах вспыхнула ярость.

– Спасибо, что сообщил очевидное, Рапскаль. Мой дракон не может летать. – Он раздраженно закатил глаза. – Какое ценное наблюдение! Без тебя я бы этого и не заметил! А теперь мне надо идти охотиться. – Он резко развернулся и пошел прочь.

Тимара смотрела ему вслед, не веря собственным глазам.

– Татс! – позвала она. – Подожди! Ты же знаешь, нам не следует охотиться поодиночке! – Потом она повернулась к Рапскалю. – Извини. Я не знаю, что его так разозлило.

– Еще как знаешь! – Он радостно уличил ее во лжи. А затем поймал руку девушки и не выпускал ее, пока говорил: – И я тоже знаю. Но это не имеет значения. В любом случае, Тимара, я хотел поговорить именно с тобой. Давай, когда Хеби проснется после дневного отдыха, вместе отправимся в Кельсингру? Я хочу тебе кое-что там показать. Нечто совершенно удивительное.

– Что именно?

Он лукаво улыбнулся:

– Нас с тобой. Большого пока говорить не стану. Я покажу тебе нас обоих, тебя и меня. Я не могу объяснить, о чем речь, а просто должен взять тебя туда. Ну что, согласна? Пожалуйста, очень тебя прошу! – Рапскаль нетерпеливо подпрыгивал на носках, очень довольный собой, и так широко улыбался, что девушка не смогла удержаться от ответной улыбки, хотя при этом и скептически покачала головой.

Заманчивое предложение, что и говорить. Рапскаль попросил бы Хеби перенести их обоих на другой берег. Оседлать дракона! Взмыть вверх, подняться высоко в воздух, лететь над рекой. От одной лишь мысли об этом Тимару бросило в жар: какая пугающая и восхитительная перспектива!

Но Кельсингра? Девушка не была уверена, что ей стоит туда отправляться.

Тимара была в городе Старших лишь однажды и провела там всего несколько часов. Проблема заключалась в том, чтобы пересечь реку. Сейчас река была полноводной из-за постоянных дождей, так что они волей-неволей должны были ждать лета, когда поток станет не столь бурным и глубоким. Широкий изгиб реки указывал на то, что течение было особенно стремительным как раз у разрушенного причала древней Кельсингры. С тех пор как они прибыли, Смоляной дважды пытался достичь противоположного берега, но оба раза течение быстро сносило баркас прочь от города вниз по реке, после чего живому кораблю и его команде с превеликим трудом удавалось добраться обратно в поселок. Это очень расстраивало всех: обидно проделать такой путь, найти легендарный город и оказаться неспособными причалить к нему. Капитан Лефтрин обещал, что по возвращении из Кассарика привезет прочные тросы, багры и все необходимое для постройки временной пристани рядом с Кельсингрой.

Но юные хранители не могли так долго ждать. Тимара с товарищами переправились однажды на тот берег в двух корабельных лодках. Они все утро налегали на весла изо всех сил, чтобы пересечь реку. И все равно их отнесло далеко вниз по течению от разрушенного каменного причала, и ребятам пришлось долго брести до города обратно. Они добрались до Кельсингры уже ближе к вечеру, и им оставалась всего пара часов неяркого зимнего света, чтобы обследовать огромный город, осмотреть его широкие улицы и высокие здания.

Оказывается, Тимара всю жизнь провела в лесу. Странно было осознавать это. Она всегда думала о Трехоге как о городе, большом городе, самом крупном в Дождевых чащобах. Но это было не так.

Кельсингра – вот настоящий город. Тимара поняла это, проделав долгий путь от окраин к старому причалу, куда хранители приволокли свои лодки, чтобы привязать их. Вымощенные камнем улицы Кельсингры выглядели невероятно широкими и абсолютно безжизненными. Дома были построены из блоков камня, черного с серебряными прожилками. Блоки были просто гигантскими, и Тимара даже представить не могла, как их вырезали, перевозили и устанавливали на место. Здания поднимались высоко, не так высоко, как деревья Дождевых чащоб, но не шли ни в какое сравнение с теми строениями, которые возводили люди. Однако все стены домов были безупречно гладкими – вряд ли такое могла создать природа.

Повсюду наверху зияли темные и пустые окна. И было очень тихо. Даже ветер шелестел так, как будто потихоньку крался через Кельсингру, опасаясь потревожить ее. Хранители, сбившись в кучку, осторожно пробирались по улицам, и царившая в городе тишина поглощала и заглушала их разговоры. Даже Татс был подавлен. Дэвви и Лектер крепко держались за руки. Харрикин смотрел по сторонам с таким видом, как будто пытался очнуться от странного сна.

Сильве скользнула поближе к Тимаре:

– Ты слышишь?

– Что?

– Шепот. Люди разговаривают.

Тимара прислушалась.

– Это просто ветер, – сказала она, и Татс кивнул.

Но Харрикин сделал шаг назад и взял Сильве за руку.

– Это не просто ветер, – возразил он, и больше они об этом не заговаривали.

Ребята обошли часть города, прилегающую к старому причалу, и исследовали несколько зданий. Их габариты явно были рассчитаны не на людей, а на драконов. Тимара, выросшая в тесных клетушках города на деревьях, чувствовала себя здесь крохотной букашкой. В тусклом свете уходящего дня темные потолки казались очень далекими, окна были расположены где-то невероятно высоко. Внутри некоторых домов встречались остатки мебели и предметов обстановки. В основном это были лишь кучи длинных сгнивших щепок на полу или лоскуты гобеленов, от прикосновения рассыпавшиеся на пыльные нитки. Свет играл в цветных стеклах пестрых витражей и отбрасывал на каменные полы призрачные изображения драконов и Старших.

В нескольких местах магия Старших сохранилась. В одном из домов комната вдруг озарилась светом, когда хранители вошли в помещение. Зазвучала музыка, слабая и неуверенная, пыльный аромат разлился в неподвижном воздухе. Вдалеке раздался странный звук – не то щебет, не то смех – и внезапно резко оборвался вместе с музыкой. Хранители, сбившись в кучку, шмыгнули обратно на улицу.

Татс взял Тимару за руку, и она обрадовалась этому теплomu прикосновению. Он тихо спросил ее:

– Как ты думаешь, это возможно, чтобы кто-то из Старших выжил здесь? Вдруг мы встретим их? Или же они прячутся и наблюдают за нами?

Девушка неуверенно улыбнулась ему:

– Ты ведь дразнишь меня? Пытаешься напугать, да?

Но темные глаза Татса хранили серьезное и даже тревожное выражение.

– Нет. – Оглянувшись по сторонам, он добавил: – Я спрашиваю об этом, потому что мне и правда интересно. И, откровенно говоря, как-то сразу становится не по себе, когда начинаешь об этом думать.

– Да никого здесь нет, если только привидения, – не слишком удачно пошутила она.

Он в ответ рассмеялся:

– Только призраки? Ну, тогда я спокоен.

Тимара вдруг занервничала:

– А куда подевался Рапскаль?

Татс остановился и посмотрел вокруг. Хранителя Хеби и впрямь нигде не было.

Тимара повысила голос:

– Никто не знает, где Рапскаль?

– Я думаю, он ушел вперед, – отозвался Алум.

Татс все еще держал ее за руку:

– Успокойся, с ним все будет в порядке. Пойдем. Давай еще немного посмотрим город.

Они побрели дальше. Пустота просторных площадей навевала жуть. Тимаре казалось, что спустя годы в это заброшенное место должна была вернуться жизнь. В трещинах между

камнями мостовой должна была расти трава, в затянутых зеленой ряской фонтанах – жить лягушки, под крышами домов – гнездиться птицы, а по их стенам – виться дикий виноград. Но ничего этого не было. Правда, то тут, то там встречались едва различимые следы растительности: желтый лишайник, зажатый между пальцами статуи, мох в трещине чаши фонтана, но это было совсем не то. Город, даже по прошествии стольких лет, все еще оставался слишком городом – местом для Старших, драконов и людей. Дикому лесу, деревьям и лианам, извечной путанице растений, всему, что служило привычным фоном прежней Тимариной жизни, не было здесь места, и от этого она чувствовала себя чужой.

Статуи в пересохших чашах фонтанов весьма неприветливо, как казалось Тимаре, взирали на них сверху вниз. Раз за разом вглядываясь в резные лики женщин из народа Старших, она представляла, как может измениться ее собственная внешность. Старшие были высокими и грациозными созданиями, с серебряными, медными или пурпурными глазами, их лица были покрыты тонкой чешуей, а головы некоторых увенчаны мощными гребнями в форме короны. Изящно задрапированные в разноцветные платья, с тонкими пальцами, унизанными драгоценными камнями... А так ли ужасно будет стать одной из них? Она перевела взгляд на Татса: произошедшие с ним перемены вовсе не были неприятными.

В одном из зданий нашлись подмостки и каменный амфитеатр. На стенных барельефах, сохранивших яркость пестрых красок спустя все эти годы, резвились Старшие и драконы. В этом помещении Тимара впервые услышала то, о чем перешептывались другие хранители. Негромкие голоса, ведущие беседу, звучали то громче, то тише. Интонации были непривычные, и даже значения слов ускользали от ее понимания.

– Татс, – позвала она – больше для того, чтобы услышать звук своего голоса. – Ты слышишь?

Он быстро кивнул и предложил:

– Давай выйдем отсюда.

Она была рада следовать за ним, когда они спешили наружу, навстречу исчезающему дневному свету.

Скоро к ним присоединился кто-то еще из хранителей, и было принято молчаливое единоголосное решение: вернуться к реке и заночевать там в заброшенной маленькой хижине. Она была построена из простого речного камня, а слежавшийся в углах ил красноречиво свидетельствовал о том, что домик пережил не одно наводнение. Двери и переплеты окон давно рассыпались в пыль. Ребята развели в старом камине небольшой чадающий костерок из влажного плавника и сгруппировались вокруг него поближе к теплу. Только когда подтянулись остальные, стало ясно, что Рапскаль до сих пор так и не объявился. А на улице между тем начиналась гроза.

– Мы должны вернуться за ним, – настаивала Тимара.

И они как раз решили разделить на поисковые группы по трое, когда он наконец-то появился. Влажные волосы прилипли ко лбу, одежда промокла. Он трясся от холода, но улыбался как полоумный.

– До чего же я люблю этот город! – воскликнул Рапскаль. – Здесь столько всего надо посмотреть и сделать. Это наше место. И оно всегда было нашим! – Он хотел, чтобы все хранители прямо сейчас, ночью, вернулись вместе с ним в Кельсингру и продолжили ее исследовать. Он искренне недоумевал, когда остальные наотрез отказались, но в конце концов уgomонился и сел рядом с Тимарой.

Звуки дождя, ветра и несмолкающий гул реки наполняли ночь. С дальних холмов донесся стонущий вой.

– Волки! – прошептал Нортель, и все вздрогнули.

Для них волки были существами из легенд. Эти звуки почти заглушили бормочущие голоса. Почти. Той ночью Тимара плохо спала.

На восходе они покинули Кельсингру. Лил проливной дождь, резкие порывы ветра неслись вниз по реке. Ребята знали, что для того, чтобы вернуться на другой берег, им придется большую часть дня отчаянно сражаться с непогодой. Тимара могла слышать в отдалении рев голодных драконов. Недовольство Синтары гремело в ее сознании, и по напряженным лицам товарищей она поняла, что и другие хранители чувствовали себя точно так же. Ни в коем случае нельзя было оставаться в Кельсингре дольше. Когда они оттолкнулись от берега, Рапскаль с сожалением обернулся.

– Я вернусь, – сказал он так, словно давал обещание самому городу. – Непременно вернусь, как только представится такая возможность.

Благодаря тому что Хеби могла летать, он сдержал свое слово, но вот Тимара с тех пор больше туда не возвращалась. Любопытство и осторожность боролись в ней каждый раз, когда она начинала думать о новом визите в Кельсингру.

– Полетели, Тимара, я должен показать тебе кое-что.

Слова Рапскаля вернули ее к действительности.

– Я не могу, я должна принести Синтаре мясо.

– Ну пожалуйста! – Рапскаль тряхнул головой, откидывая с глаз густые темные волосы, и умоляюще посмотрел на нее.

– Но я правда не могу. Синтара голодна. – И почему ей так трудно дались эти слова?

– Ну... вообще-то, она должна летать и сама охотиться. Может, твоя драконица станет больше стараться, если ты не покормишь ее денек-другой.

– Рапскаль! Неужели ты оставил бы Хеби голодной?

Наполовину зло, наполовину смущенно он пнул опавшие листья. И признал:

– Нет. Я не смог бы. Но ведь Хеби такая милая, не то что твоя Синтара.

Слышать подобное было неприятно.

– Синтара не такая уж и плохая! – Тимара покривила душой, поскольку считала, что взаимоотношения дракона и его хранителя никого не касаются. – Я не могу полететь с тобой, Рапскаль. Мне надо идти на охоту.

Юноша поднял руки, сдаваясь:

– Ладно. – Он наградил ее улыбкой. – Тогда давай завтра. Может, будет не так дождливо. Мы могли бы отправиться пораньше и провести в городе целый день.

– Рапскаль, ну сколько можно повторять! – Ей так хотелось взмыть в утреннее небо на спине Хеби. Узнать, каково это – летать; понять, как драконы проделывают подобное. – Я не могу надолго покинуть Синтару. Мне надо охотиться для нее каждый день. Пока моя драконица не насытится, я не могу делать ничего другого. Не могу чинить крышу хижины или штопать одежду, совсем ничем не могу заняться. Она изводит меня своими мыслями, я чувствую ее голод. Ты что, не помнишь, как это бывает?

Она изучала его лицо, пока Рапскаль хмурил украшенные тонкой чешуей брови.

– Помню, – кивнул наконец юноша и тяжело вдохнул. – Я помогу тебе с охотой сегодня, – пообещал он.

– И я буду очень тебе признательна, и на сегодня это поможет решить проблему. – Тимара прекрасно понимала, что Татс ушел и вряд ли вернется. – Но завтра Синтара снова будет голодна.

Рапскаль закусил верхнюю губу и призадумался:

– Ясно. Что ж, я помогу тебе охотиться сегодня, чтобы добыть еду для твоего ленивого дракона. А завтра придумаю, как накормить Синтару, без того чтобы ты потратила на это целый день. Тогда ты полетишь со мной в Кельсингру?

– Полечу. И от всей души скажу тебе спасибо!

– О, погоди, ты будешь мне еще более благодарна, когда увидишь, какой сюрприз я там для тебя приготовил! А теперь пошли охотиться?

– Пошли!

Сельден проснулся, дрожа и не понимая, что происходит. Обычно в это время суток ему позволяли спать. Или сейчас не ночь? Сколько вообще времени? Свет фонаря ослепил его. Он медленно поднял руку, чтобы защитить глаза. И спросил:

– Что вам от меня нужно? – Он знал, что ему не ответят, но все равно произнес эти слова, чтобы напомнить себе, что он человек, а не тупое животное.

Но вошедший в шатер заговорил с ним:

– Вставай. Повернись и дай посмотреть на тебя.

В шатре было не совсем темно. Дневной свет проникал внутрь сквозь швы и заплатки, но ослепительные лучи фонаря все равно заставляли его глаза слезиться. Теперь он узнал говорившего. Это был не один из служителей, дававших ему черствый хлеб, затхлую воду и наполовину сгнившие овощи, и не тот, которому нравилось тыкать в него длинной палкой для развлечения зрителей. Это был человек, который считал, что владеет Сельденом. Низкорослый, с большим носом-картошкой, он всегда таскал на плече здоровенный кошель, словно бы не желал надолго расстаться со своими деньгами.

Сельден медленно поднялся. Он не мог стать более голым, чем уже был, но оценивающий взгляд тюремщика заставил его испытать невероятное унижение. И давешние посетители тоже были здесь. Большой Нос повернулся к человеку, одетому на калсидийский манер:

– Вот он, тот, кого ты собираешься купить. Ну что, достаточно на него насмотрелся?

– Уж больно он тощий, – произнес калсидиец с сомнением, как будто пытался сбить цену, но не хотел разозлить продавца. – И вид у него болезненный.

Большой Нос издал лающий смешок:

– Что ж, это все, что у меня есть. Если хочешь купить человека-дракона в лучшем состоянии, то поищи в другом месте – авось где и найдешь.

На мгновение все стихло. Калсидийский купец предпринял еще одну попытку поторгаться:

– Человеку, которого я представляю, понадобятся доказательства, что этот парень именно тот, за кого его выдают. Дай мне что-нибудь, чтобы отправить моему клиенту, и я посоветую ему принять твое предложение.

Большой Нос несколько секунд обдумывал это, а потом угрюмо спросил:

– Что, например?

– Палец руки. Или ноги. – Увидев возмущение на лице собеседника, купец поспешно добавил: – Или хотя бы кусочек пальца. Как знак доброй воли и честных намерений при совершении сделки. Согласись, ты просишь очень высокую цену.

– Да, прошу. И я не стану отрезать от него ничего такого, что не вырастет снова! Хорошенькое дело: я его порежу, а он возьмет да и заболит и умрет. И потом, откуда мне знать, может, палец – это все, что тебе нужно? Нет уж. Если хочешь кусочек на пробу, то и заплати за него честь по чести.

Сельден слушал их беседу, и, несмотря на то что часть слов ускользала от его понимания, беднягу охватил ужас.

– Вы собираетесь продавать и покупать мои пальцы? Это безумие! Посмотрите на меня! Посмотрите на мое лицо! Я же человек!

Большой Нос зло воззрился на Сельдена. Их взгляды встретились.

– Если немедленно не заткнешься, то станешь окровавленным человеком. Ты слышал, что я сказал? Я не собираюсь отрезать ничего, что не отрастет снова. Так что хватит ныть.

Сельден думал, что уже испытал всю глубину жестокости, на которую способны эти люди. Два года тому назад один из зрителей сдал его на вечер любопытному клиенту. При воспоминании об этом у Сельдена помутилось в голове, а когда ухмыляющийся помощник Большого Носа вытащил нож с черной рукояткой, несчастный юноша едва не лишился чувств.

– Мне просто необходимо доказательство того, что он и правда тот, за кого ты его выдаешь. – Покупатель продолжал настаивать; он даже скрестил руки на груди. – Хорошо, я заплачу тебе за это десять серебряных монет. Но потом, если мой хозяин останется доволен и захочет купить его, ты вычтешь эту сумму из стоимости товара.

Большой Нос призадумался, пока его помощник чистил ногти кончиком ножа, и наконец изрек:

– Двадцать серебряных монет. На меньшее я не согласен.

Калсидиец пожевал нижнюю губу:

– За кусок кожи, покрытой чешуей, размером с мою ладонь.

– Остановитесь! – закричал Сельден, срываясь на визг. – Вы не можете этого сделать!

Это немыслимо!

– Размером с два моих пальца, – предложил Большой Нос. – И деньги вперед.

– Договорились, – быстро сказал покупатель.

Большой Нос сплюнул в солому и протянул руку. Монеты одна за другой упали в его ладонь.

Сельден забился в угол – так далеко, как позволяли его цепи.

– Я буду сопротивляться! – закричал он. – Я не собираюсь безропотно позволить вам резать себя!

– Как пожелаешь, – ответил Большой Нос. Он открыл свой кошелек и бросил туда монеты. – Дай-ка мне нож, Ривер. И вот что: вы двое, садитесь на него, будете держать, пока я срежу кусок с его плеча.

*Четырнадцатый день месяца Надежды, седьмой год Вольного союза торговцев
От Кима, смотрителя голубятни в Кассарике, – торговцу Финбоку в Удачный*

Отправлено в двух почтовых футлярах: нижний запечатан зеленым воском, а верхний – синим. Если одна из печатей отсутствует или повреждена, уведомите меня немедленно!

Приветствую тебя, торговец Финбок!

Как ты и просил, я продолжаю просматривать все почтовые отправления из моей голубятни. Полагаю, что, прекрасно понимая, с какими опасностями для меня сие сопряжено, ты должен проявить большую щедрость при вознаграждении моих усилий. Мои наблюдения оказались немного обескураживающими и сбивающими с толку, но мы оба знаем, что где тайна, там и прибыль. Хотя до сих пор, к сожалению, нет никаких прямых упоминаний о жене твоего сына, равно как и об успехе или неудаче экспедиции, отправившейся на баркасе «Смоляной», я думаю, что сведения, которые я сообщил, могут иметь определенную ценность, хотя мы пока и не в состоянии определить, в чем именно она состоит. Позволь также напомнить, что, по условиям нашего соглашения, ты платишь мне не только за собранные сведения, но и за риск, которому я подвергаюсь.

Проще говоря, если это сообщение вдруг попадет в чужие руки, то меня сочтут шпионом и я лишусь должности смотрителя голубятни. Понятно, что, когда это случится, неизбежно возникнет вопрос, на кого же я работаю. Уверен, обещание сохранить твоё имя в тайне, несмотря ни на что, заслуживает определенного вознаграждения. И впредь, пожалуйста, хорошенько подумай, прежде чем снова упрекать меня за слишком скудные сведения. При всем желании невозможно изловить рыбу в пустой реке.

Очень советую тебе поговорить с одним продавцом птиц в Удачном. Зовут его Шируп, он живет в квартале мясников. Шируп может организовать для меня партию птиц, которые будут возвращаться к нему, а не в клетки гильдии Голубиной почты, что обеспечит полнейшую конфиденциальность нашего общения. Он будет передавать тебе мои послания. Это обойдется недешево, но, полагаю, дело того стоит, и такой шанс упускать нельзя.

Передавай мой привет и наилучшие пожелания твоей Силии. Уверен, что комфорт и благополучие супруги чрезвычайно важны для столь почтенного и богатого торговца, как ты.

Ким

Глава 4. Кельсингра

Элис в одиночестве шла по пустынным улицам древнего города. Платье из мерцающей, медного цвета ткани, созданной Старшими, защищало ее тело. Изношенные башмаки и полинявший от долгой носки плащ, полы которого постоянно расходились, смотрелись в сочетании с ним странно. Непокрытая голова молодой женщины склонилась навстречу ветру, уложенные на голове косы растрепались. Элис прищурилась, поскольку из-за яростного порыва ледяного ветра глаза слезились, и упрямо продолжила свой путь, сжимая в онемевших от холода руках небольшой рулон выгоревшей ткани. Дверной проем ближайшего дома зиял пустотой, деревянные ставни на окнах давно сгнили.

Войдя внутрь, она вздохнула, дрожа от облегчения. Тут тоже было холодно, но, по крайней мере, можно укрыться от ветра. Платье Старших, подарок капитана Лефтрина, сохраняло тепло ее тела, однако не могло согреть голову и шею, не говоря уже о кистях рук и ступнях. Шепот, заполнявший воздух и привлекавший ее внимание, затих. Элис обхватила себя руками, согревая пальцы под мышками, и внимательно оглядела заброшенное жилище. Смотреть здесь было особенно не на что. На плиточном полу виднелись контуры деревянной мебели, давным-давно рассыпавшейся в щепки. Она провела ногой по полу. Плитки под слоем пыли были насыщенного темно-красного цвета.

Квадратная дыра в потолке и грудa древних обломков на полу под ней напоминали о лестнице, превратившейся в пыль. Потолок сам по себе мог рассказать о многом. Вырезанные из камня балки поддерживали кладку. До того как оказаться в Кельсингре, Элис не видела ничего подобного, но, похоже, здесь даже самые маленькие дома строились исключительно из камня.

Камин в углу комнаты хорошо сохранился. Он вдавался в стену и был выложен изразцами. Элис подолом плаща протерла гладко облицованную каминную полку и ахнула от восторга. То, что она посчитала грязными пятнами на красной плитке, на самом деле оказалось черной гравировкой. Осмотрев свою находку, исследовательница поняла, что все рисунки были посвящены одной теме – приготовлению пищи. Здесь были жирная рыба на блюде, а рядом миска, наполненная круглыми корнеплодами с ботвой. На другой плитке она увидела дымящийся котел, а на третьей – поросенка, жарящегося на вертеле.

– Что ж, похоже, Старшим нравилась та же пища, что и нам.

Она говорила тихо, как будто боялась разбудить кого-то. Это странное чувство не оставляло молодую женщину с тех пор, как драконица Рапскаля впервые принесла ее сюда, чтобы осмотреть разрушенный город. Кельсингра выглядела пустынной, заброшенной и мертвой. И все же Элис никак не могла отделаться от ощущения, что за любым поворотом может наткнуться на местных жителей, занятых повседневными делами. В самых больших зданиях, построенных из черного камня с серебряными прожилками, она совершенно точно слышала шепот, а один раз даже пение. Но все ее поиски и призывы ни к чему не привели; повсюду обнаруживались лишь пустые комнаты, остатки мебели и другие предметы, обратившиеся в прах. Ее крики не переполошили белок, не распугали голубей. Здесь, похоже, вообще не водилась никакая живность – ни мыши, ни муравьи, – а редкие растения, попадавшиеся ей, были чахлыми. Иногда Элис казалось, что она первая живая душа, что посещает это место за долгие годы.

Глупая мысль. Несомненно, зимние ветры уничтожили все более ранние следы вторжения, ибо зверья в округе обитало в изобилии – не только здесь, но и на другом берегу реки. Склоны холмов, окружавших город, густо заросли лесом, и Хеби, регулярно отправлявшаяся на охоту, быстро убедилась, как много тут всевозможной добычи. Только вчера красная драконица обнаружила и загнала целое стадо крупных рогатых существ, названия которых Элис

не знала. Хеби вспугнула их с воздуха, согнала с холма, и животным волей-неволей пришлось выбежать на берег реки, где на них набросились остальные драконы и пировали до тех пор, пока не насытились. Так что земли по обе стороны реки кишели дичью. Но в город звери почему-то не заходили.

Это была лишь одна из загадок Кельсингры. Большая часть этого древнего города сохранилась практически нетронутой, как если бы в один прекрасный день все жители вдруг просто исчезли. Небольшие повреждения выглядели случайными, за одним исключением. В центре зияла огромная расщелина, словно кто-то взял гигантский топор и вогнал его лезвие в город, разрушив улицы. Река заполнила расщелину. Элис стояла на краю этой голубой раны и вглядывалась в казавшуюся бесконечной глубину. Может, это и погубило Кельсингру? Или все произошло уже потом, годы спустя? И почему в этом поселении Старших дома стояли на большом расстоянии друг от друга, тогда как погребенные строения Трехога и Кассарика были соединены в сплошной, бесконечный лабиринт? Ни на один из вопросов не было ответа.

Элис закончила очищать камин. Первый ряд плиток осыпался, едва она легонько провела по ним рукой. Исследовательница поймала одну плитку и осторожно положила ее на пол. Сколько лет этот камин простоял целым, чтобы разрушиться от ее прикосновения? Что ж, по крайней мере, она видела его нетронутым и подробно опишет, как он выглядел. Этот раритет не канет в забвение, не будет потерян навсегда, как это случилось со многим, что было обнаружено в Кассарике и Трехоге. Хотя бы об этом городе Старших останутся документальные свидетельства.

Элис встала на колени перед камином и развернула свой сверток. Раньше это была белая рубашка. Стирка в речной воде сделала ткань желтоватой, а швы разошлись под воздействием кислоты. Так что остатки ткани Элис использовала как пергамент. Это было не слишком удобно. Чернила, уже неоднократно разведенные водой, расплывались и размазывались, когда она пыталась писать на ткани. Но это все же лучше, чем ничего, а когда она снова раздобудет пергамент и чернила, то сможет переписать все свои заметки начисто. Сейчас Элис не могла рисковать, полагаясь лишь на собственную память. Она должна записать все свои первые впечатления об этом месте, тщательно зафиксировать все, что увидела, а потом уже можно будет дополнить это подробностями. Надо спешить, мало ли что может случиться с ней самой.

Или с этим нетронутым городом Старших.

Тревога заставила ее стиснуть зубы. Завтра утром Лефтрин собирается отправиться в долгий путь обратно в Кассарик и, возможно, в Трехог. В этом расположенном высоко на деревьях городе он заберет деньги, которые должен им Совет Дождевых чащоб, а затем пополнит запасы. Купит теплую одежду, муку и сахар, масло, кофе и чай. Но для этого ему придется рассказать, что экипаж «Смоляного» и хранители драконов нашли Кельсингру. Они уже обсуждали, к чему это может привести. Торговцы тут же ринутся в еще одно заброшенное поселение Старших. Они явятся сюда не с целью изучать древний город, а затем чтобы побыстрее растащить все, что осталось от магических вещей исчезнувшего народа и его искусства.

Мигом набегит множество мародеров и авантюристов. Для этих людей нет ничего святого. Их волнует исключительно прибыль. С камина в этом скромном жилище сдерут плитки. Собиют массивные барельефы с главной башни Кельсингры, упакуют их и отправят вниз по реке. Охотники за сокровищами заберут скульптуры из фонтанов, обрывки документов из здания, которое, похоже, когда-то служило местным архивом, декоративные каменные наличники, загадочные инструменты, витражи... И все это будет сложено в ящики без всякой системы и распродано как простой товар.

Элис вспомнила об удивительном месте, которое они нашли вместе с Лефтрином. Доски из эбонита и слоновой кости, пыльные игровые фишки – все это стояло нетронутым на низких мраморных столах. Она не узнала ни одной из игр, не сумела расшифровать ни единой руны на

янтарных и нефритовых пластинках, лежавших вперемешку в широкой чаше, выдолбленной в гранитной подставке.

– Наверное, здесь Старшие играли в азартные игры, – сказала она Лефтрину.

– Или, может, молились. Я слышал о священниках с островов Пряностей, которые используют рунные камни, чтобы узнать, будет ли услышана их молитва.

– Это тоже возможно, – кивнула она. Так много загадок. Проходы между столами были широкими, а большие прямоугольные каменные вставки на полу комнаты поблескивали черным. – Это что, подогревающиеся площадки для драконов? Они приходили сюда наблюдать за игрой или молитвами?

В ответ Лефтрин лишь беспомощно пожал плечами. Элис боялась, что никогда не узнает ответа на свой вопрос. Подсказки, по которым можно было бы догадаться, что же представляла собой Кельсингра, будут распроданы и бесследно исчезнут, кроме тех, что она сможет описать до того, как сюда придут падальщики.

Как только Элис поняла, что разграбление Кельсингры неизбежно, она каждый день, который оказывался достаточно ясным для того, чтобы Хеби могла летать, умоляла Рапскаля перенести ее в древний город. Она использовала каждый час дневного света, методично записывая свои наблюдения о каждом строении, вместо того чтобы лихорадочно метаться от дома к дому. Элис рассудила, что лучше уж внимательно и подробно исследовать часть поселения Старших, чем поверхностно осмотреть его целиком.

Услышав снаружи на тротуаре шаги, она подошла к двери. Лефтрин пробирался по пустынным улицам: руки скрещены на груди, кисти спрятаны под мышками, чтобы хоть немного согреться, подбородок упирается в грудь, серые глаза прикрыты от резкого ветра. Щеки над темной бородой покраснели от холода, а непокорные волосы растрепались. Но все равно при взгляде на него у Элис сразу потеплело на сердце. Чумазый и коренастый капитан баркаса в поношенных штанах и куртке в Удачном вряд ли удостоился бы взгляда Элис Финбок, жены преуспевающего торговца. Но за месяцы совместного путешествия на Смоляном она разглядела скрытые достоинства этого человека и полюбила его. Причем гораздо сильнее, чем когда бы то ни было любила своего жестокого супруга, Геста Финбока: даже в первые дни головокружительного увлечения этим красавцем-щеголем, внезапно сделавшим ей предложение, Элис не чувствовала ничего подобного. Лефтрин говорил просто, без изысков и не отличался изяществом, но он был честным, надежным и сильным человеком. И она любила его искренне, всем сердцем.

– Я здесь! – крикнула она Лефтрину.

Он повернул голову в сторону Элис и поторопился к ней присоединиться.

– На улице холодает, – заметил капитан, входя в скромное убежище. – Ветер крепчает, и скоро начнется дождь. Или даже мокрый снег.

Элис шагнула в его объятия. Одежда Лефтрин была холодной, но, прижавшись друг к другу, они согрелись. Она медленно отступила, чтобы взять его грубые руки в свои и растереть их.

– Тебе нужны перчатки.

– Нам всем нужны перчатки. И новая теплая одежда. А еще необходимо возместить, что мы потеряли во время того наводнения: инструменты, продовольствие и прочие припасы. Боюсь, найти все это можно только в Кассарике.

– Карсон сказал, что мог бы...

Лефтрин покачал головой:

– Карсон приносит много мяса, да и хранители стали лучше охотиться на новом месте. Мы все сыты, но это только мясо, а драконам его всегда мало. И Карсон снимает шкуры с убитой дичи, однако на это нужно время, да и подходящих инструментов у нас нет. Он может обрабатывать жесткие шкуры, чтобы застилать ими пол или занавешивать окна. Но меховые

одеяла или одежду из кожи просто так не сделаешь. Мне придется отправиться в Кассарик, дорогая. Я не могу больше это откладывать. И я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Элис уткнулась лбом ему в плечо:

– Я не могу. – Он крепко обнял Элис, и от этого ее слова прозвучали приглушенно. – Я должна остаться здесь. В Кельсингре столько всего нужно описать, и я должна сделать это до того, как все будет уничтожено. – Она подняла лицо и, прежде чем он приступил к привычным бессмысленным утешениям, заговорила сама. – Как продвигается твоя работа? – спросила Элис, меняя тему разговора. Капитан взялся соорудить в Кельсингре новый причал.

– Медленно. – Он покачал головой. – Пока что я могу лишь составить примерный план и записать, какие именно материалы нужно купить. Река возле города очень глубокая, а течение стремительное. Там не найти места, где Смоляной мог бы выйти на сушу, да и вообще нет ничего, к чему я мог бы надежно его привязать. Помнишь, даже когда все, кто был на борту, дружно взялись за весла, нас отнесло от города вниз по реке? Я подозреваю, что глубина не всегда одинакова и меняется в зависимости от времени года. Если это так, то летом вода немного спадет – вот тогда-то и надо будет приступить к строительству.

Я проверил сваи старого причала. От деревянных осталось одно название, зато каменные выглядят крепкими. Мы можем подняться вверх по реке вдоль того берега, нарубить там деревьев, соорудить из бревен плот и вернуться на нем обратно. Правда, причалить тут будет непросто, и в любом случае спешить не следует: попытка сделать это сейчас обернется напрасной тратой времени. У нас нет инструментов и креплений, чтобы построить такой причал, какой нам нужен для того, чтобы к нему мог надежно пришвартоваться большой корабль. И единственное место, где мы можем достать все необходимое – это...

– Трехог, – закончила она за него.

– Да, Трехог. Ну, может быть, еще Кассарик. А и туда и туда путь неблизкий. Снаряжая Смоляного, я готовил корабль для путешествия, а не для того, чтобы основать новое поселение. А хранители во время того страшного наводнения потеряли почти все свои запасы продовольствия, сменную одежду, одеяла и прочее. Так что зимовка будет тяжелой, пока я не вернусь с новым грузом.

– Я не хочу расставаться с тобой, Лефтрин. Но я останусь здесь и продолжу работать. Постараюсь узнать об этом городе как можно больше, пока не налетели торговцы и не растащили его по кусочкам.

Лефтрин вздохнул и притянул Элис поближе к себе:

– Дорогая, я уже говорил тебе, мы защитим это место. Никто больше не знает дороги сюда, а я не собираюсь показывать торговцам свои карты и бортовой журнал. Если же они попытаются следовать за нами, то вскоре убедятся, что Смоляной может передвигаться по ночам так же, как и днем. Даже если кому-то вдруг и удастся приплыть сюда вслед за нами, пришвартоваться в любом случае не получится. Элис, я буду удерживать всех в стороне от Кельсингры так долго, как только смогу.

– Я знаю, милый.

– Ну, тогда, может, назовешь мне настоящую причину, по которой ты отказываешься плыть обратно в Трехог?

Она покачала головой, уткнувшись в его плечо, но затем призналась:

– Я не хочу возвращаться к прошлому, вновь становиться Элис Финбок, супругой Геста. Я хочу остаться здесь и прожить всю жизнь с тобой.

– Так и будет, моя дорогая. Я никому не отдам тебя, даже не сомневайся.

Она отстранилась и посмотрела ему в глаза:

– Сегодня во время работы мне пришла в голову одна мысль: а что, если ты сообщишь о моей смерти, когда вернешься? Ты мог бы отправить Гесту и моим родителям почтовых

голубей: дескать, во время плавания Элис Финбок упала за борт и утонула. Они считают меня такой глупой и неуклюжей, что наверняка сразу поверят.

– Элис! – Он был в ужасе. – Я не хочу произносить вслух подобные слова, даже если это ложь! И подумай о своих бедных родителях! Ты не можешь с ними так поступить!

– Мне кажется, что папа с мамой только вздохнут с облегчением, – пробормотала она, хоть и понимала, что родные все равно будут ее оплакивать.

– И потом, есть ведь еще твоя работа. Ты не сможешь делать ее, если тебя сочтут умершей!

– О чем ты говоришь? – не поняла Элис.

Лефтрин отпустил ее и отступил на шаг назад:

– О твоих исследованиях Старших и драконов. Ты слишком много над этим работала, чтобы вот так все бросить. Ты должна довести дело до конца, если это возможно. Веди записи, делай зарисовки, встреться со Старшими – Малтой и Рэйном, расскажи им о том, что нашла. Пусть весь мир узнает о твоих находках. Объявив себя мертвой, ты не сможешь заявить права на то, что обнаружила, не говоря уже о том, чтобы защитить это.

Элис не могла описать чувства, охватившие ее. Она даже и не представляла, что кто-нибудь скажет ей что-либо подобное.

– Значит, ты... ты понимаешь, что это для меня значит? – Она посмотрела в сторону, внезапно смутившись. – Мои записи и коротенькие глупые наброски, мои попытки переводов, мои...

– Хватит! – В его голосе прозвучало удивление пополам с упреком. – Элис, нет ничего глупого в том, что ты делаешь, равно как и в моих картах реки Дождевых чащоб. Не приуменьшай значение нашей работы! И не говори о себе пренебрежительно, особенно со мной! Я полюбил серьезную женщину, отправившуюся в экспедицию с альбомами для зарисовок и тетрадями для записей. Я был польщен уже тем, что такая образованная дама тратит свое время на то, чтобы объяснить мне все это. То, чем ты занимаешься, очень важно! Для Дождевых чащоб, для драконов, для истории! Мы оказались свидетелями превращений, которые происходят с драконами и их хранителями. Этот молодняк явно превращается в Старших. Сначала драконы, а теперь и Старшие возвращаются в наш мир. Прямо сейчас, здесь. Неужели ты сомневаешься, что это начало великих перемен?

Хеби становится сильнее с каждым днем. Некоторые драконы уже способны ненадолго подниматься в воздух, хотя порой и падают в реку или на деревья. К концу зимы, я думаю, большинство из них смогут хоть немного летать и охотиться. И никто из хранителей даже не помышляет о возвращении в Трехог или в Кассарик. Они решили остаться здесь, и многие уже нашли себе пары, да сохранит Са всех нас! Это начало чего-то грандиозного, и ты уже стала частью этого. Слишком поздно отступать. И прятаться тоже слишком поздно.

– На самом деле я вовсе не хочу прятаться. – Элис медленно подошла к камину, опустилась на колени и неохотно подняла с пола одну из расписанных плиток. – Я дала Малте слово и собираюсь сдержать его. – Она рассматривала плитку. Тонкие мазки складывались в рисунок кипящего котелка с супом; картину обрамлял растительный орнамент. – Я передам ей это через тебя. И приложу письмо: пусть Малта узнает, что мы и правда нашли Кельсингру. Что в мире еще есть место для драконов и Старших.

– Ты можешь поехать со мной и сама ей все рассказать.

Элис покачала головой и с чувством возразила:

– Нет, Лефтрин. Я еще не готова встретиться с миром. Я дам тебе письмо для моей семьи, надо сообщить им, что я жива и со мной все в порядке. Но пока на этом все.

Обернувшись через плечо, Элис увидела, что капитан с разочарованным видом уставился в пол. Она поднялась и подошла к нему:

– Не думай, что я пытаюсь уклониться от того, что должна сделать. Я твердо решила порвать с Гестом. Я хочу свободно стоять рядом с тобой, но не как сбежавшая жена, а как женщина, имеющая полное право выбирать свою судьбу. Гест нарушил наш брачный контракт. Я знаю, что больше не связана его условиями.

– Тогда сообщи об этом в Совет торговцев Удачного. Отрекись от мужа. Если Гест нарушил свое слово, то контракт недействителен.

Элис тяжело вздохнула. Они все это уже обсуждали, и не раз.

– Ты только что справедливо упрекнул меня, сказав, что, если я притворюсь мертвой, это принесет страдания моей семье. Но, откровенно говоря, я не вижу способа освободиться от Геста, не причинив вреда еще большему числу людей. Я могу объявить, что муж мне изменял, но у меня нет свидетелей, которые могли бы подтвердить это. Я не стану просить Седрика давать показания, поскольку это неизбежно опозорит его родных! Он строит здесь новые отношения, так же как и я. Я не хочу отрывать его от Карсона и возвращать обратно в Удачный, чтобы сделать объектом скандала и жестоких насмешек. Да Гест просто выставит его лжецом! Не сомневаюсь, у моего мужа найдется множество друзей, которые поклянутся, что он говорит правду, что бы Гест ни сказал. – Она вздохнула и добавила: – Это сделает изгоями и моих родных тоже. Не то чтобы у нашей семьи в Удачном было высокое общественное положение, но все-таки... Только вообрази: мне придется предстать перед Советом и во всеуслышание заявить о своем позоре, признать, что я была дурой, не только выйдя за Геста замуж, но и оставаясь с ним все эти годы... – Элис замолчала, не в силах говорить дальше.

Болезненный стыд охватил ее. Как бы Элис ни пыталась внушить себе, что все плохое осталось в прошлом, стоило ей только вспомнить, что она все еще официально связана узами брака с Гестом, как этот кошмар снова наваливался на нее. Все эти годы она неизменно задавалась вопросом, почему муж так плохо с ней обращался. Она искренне старалась быть хорошей женой, всячески унижалась, пытаясь привлечь его внимание, однако не преуспела и в награду получала лишь презрение. И только ненадолго покинув Удачный, чтобы отправиться в Дождевые чащобы исследовать столь милых ее сердцу драконов, Элис наконец-то узнала правду о своем супруге. Она всегда была ему глубоко безразлична, а брак Гест заключил исключительно с целью скрыть свои настоящие пристрастия. Как выяснилось, Седрик, друг ее детства и помощник ее мужа, был для него не просто секретарем.

И все друзья Геста знали об этом.

У Элис скрутило живот, а в горле встал ком. Ну как она могла быть такой близорукой и недогадливой? Настолько слепой и беспечно наивной? Почему на протяжении всех этих лет ни разу ничего не заподозрила, с какой стати продолжала мириться с его колкими насмешками и с тем явным пренебрежением, которое Гест выказывал супруге на людях? У нее не было иного объяснения всему этому, кроме собственной глупости.

«Ну как, как можно быть такой дурой?» – в иступлении вопрошала себя Элис.

– А ну-ка, немедленно прекрати! – Лефтрин нежно поймал ее руку, легонько сжал и укоризненно покачал головой. – Ненавижу, когда ты вот так отдаляешься, щуришься и сжимаешь зубы. Нетрудно догадаться, о чем ты думаешь в такие минуты. Перестань казнить себя. Если Гест обманул тебя, обидел, сделал тебе больно, то с какой стати ты винишь в этом себя?

Она тяжело вздохнула в ответ:

– Лефтрин, ты же знаешь пословицу: «Обманешь меня раз – позор тебе, обманешь меня дважды – позор мне». А Гест обманывал меня сотни раз, и я не сомневаюсь, что многие из его круга наблюдали за этим и от души злорадствовали. Ну уж нет, я не вернусь в Удачный. Никогда. Не желаю смотреть в лица знакомых и гадать, кто знал о моей глупости и помалкивал.

– Хватит, – оборвал ее Лефтрин, но голос его звучал нежно. – Посмотри, уже темнеет. И я чувствую, что скоро начнется гроза. Пора возвращаться на наш берег.

Элис выглянула наружу и согласно кивнула:

– Да уж, не хотела бы я застрять на этой стороне реки после наступления темноты. – Она пристально посмотрела на капитана, ожидая, что он еще что-нибудь добавит, но Лефтрин больше не произнес ни слова. Порой Элис отчетливо понимала, что как бы близки они ни были, он оставался жителем Дождевых чащоб, а она – уроженкой Удачного. О некоторых вещах Лефтрин предпочитал не говорить. Но внезапно она решила, что все-таки следует прояснить ситуацию и, прочистив горло, сказала: – Мне кажется, что с приближением ночи голоса становятся громче.

Капитан посмотрел ей в глаза:

– Да, так оно и есть. – Он подошел к двери и выглянул наружу, как будто ожидал опасности. Эта простая предосторожность заставила ее похолодеть. Неужели Лефтрин ожидал увидеть там что-то? Или кого-то? – То же самое творится в некоторых частях Трехога и Кассарика. Я имею в виду погребенные руины, а не города на деревьях. Но мне кажется, что дело тут не только во времени суток. Я думаю, это происходит, потому что человек, оставшись один или чувствуя себя одиноким, становится более восприимчивым. В Кельсингре это чувствуется сильнее, чем где бы то ни было. В этом квартале, где жили простые люди, все не так плохо. А вот там, где дома огромные, а улицы широкие, я слышу шепот почти все время. Не слишком громкий, но постоянный. Лучше всего просто не обращать на голоса внимания. Не позволяя своему разуму заикливаться на них.

Он обернулся на нее через плечо, и Элис почувствовала, что узнала все, что хотела знать на данный момент. Скорее всего, Лефтрин мог бы рассказать ей больше, но лучше она оставит свои вопросы до того времени, когда они согреются, сидя около уютного очага в хорошо освещенной комнате. Не стоит обсуждать подобные материи здесь, в холодном городе, наполненном сгущающимися тенями.

Она собрала свои вещи, включая и плитку, выпавшую из облицовки камина, еще раз рассмотрела рисунок и протянула ее Лефтрину. Он достал из кармана старый носовой платок и бережно завернул в него драгоценную находку.

– Не переживай, доставлю все в целости и сохранности, – пообещал он еще до того, как Элис успела его об этом попросить.

И рука об руку они вышли из дома.

Снаружи уже начало темнеть, мрачные тучи наполовину затянули небо, а солнце медленно исчезало с пологих холмов, переходивших в крутые утесы. Тени домов легли на извилистые улицы. Элис и Лефтрин торопились, холодный ветер подгонял их. Когда они оставили позади скромные дома, которые исследовала Элис, и вошли в центральную часть города, шепот зазвучал отчетливее. Она не воспринимала его на слух и не могла выделить отдельные голоса из общего потока слов, скорее, это было похоже на давление чужих мыслей на ее сознание. Молодая женщина встряхнула головой, отгоняя наваждение, и прибавила шаг.

Раньше она не бывала в городах, подобных этому. Удачный был крупным, величественным городом, возведенным с размахом, но его масштабы не шли ни в какое сравнение с Кельсингрой, где люди чувствовали себя карликами. Тротуары здесь были настолько широкими, что на них могли запросто разойтись два дракона. Мерцающие черные здания также были построены с оглядкой на размеры драконов: крыши вздымались в самое небо, а дверные проемы были выше и шире обычных. Где бы им ни встретились ступеньки, центральная часть была широкой и полой, совсем не приспособленной к человеческой походке: два шага, чтобы пройти ступеньку, и затем прыжок, – а вот по краям спускались вниз лестницы, подходящие для людей.

Элис и Лефтрин прошли мимо пересохшего фонтана. В центре вздымалась скульптура: дракон в натуральную величину, поднявшийся на задних лапах, держит в пасти и передних лапах сопротивляющегося оленя. За следующим поворотом им встретился памятник какому-то Старшему – мужчина, в одной руке сжимающий свиток, а другой указывающий вверх. Монумент был высечен из того же черного камня с серебряными прожилками. Было очевидно, что

Старшие и драконы жили здесь вместе, бок о бок, как добрые соседи, а возможно, даже в одних и тех же домах. Элис вспомнила, что и сегодня драконы изменяют своих хранителей, и призадумалась: возможно, когда-нибудь в этом городе все снова станет как прежде.

Они повернули на широкий бульвар, и ветер взревел с новой силой. Элис плотнее закуталась в тонкий плащ и склонила голову. Эта улица вела прямо к речному порту и останкам причалов, некогда встречавших корабли. Несколько разрушенных свай выступали над водой. Она подняла взгляд и устремила слезящиеся глаза на темную гладь реки. На горизонте солнце опускалось за лесистые холмы.

– Где же Рапскаль? – Элис почти кричала, поскольку ветер заглушал ее слова. – Он обещал привести Хеби к реке на закате.

– Раз обещал, значит приведет. Парень хоть и со странностями, но, пожалуй, самый ответственный из всех хранителей. Да вот же они с Хеби. Смотри!

Она проследила за рукой Лефтрина и увидела их обоих. Драконица сидела на возвышающемся каменном помосте, откуда открывался вид на реку. К помосту примыкал разрушенный пандус. Судя по украшавшим его барельефам, здесь когда-то находилась площадка для взлета драконов. Элис подозревала, что немолодым и тяжелым драконам необходимо было возвышение для того, чтобы оторвать свое тело от земли и подняться в воздух. До того как камни пандуса развалились под натиском многочисленных зимних наводнений, он, похоже, был очень высоким, но теперь заканчивался сразу над пьедесталом статуи.

Хранитель Хеби забрался на постамент и стоял у подножия древней скульптуры, изображавшей пару Старших: мужчина отвел руку в сторону, указывая пальцем вверх, а женщина грациозно наклонила голову, – эти двое явно наблюдали за чем-то, возможно, за драконом в полете. Голова Рапскаля была запрокинута, и он вытянул руку, чтобы дотронуться до бедра одного из Старших. Юноша застыл неподвижно и как зачарованный смотрел на высокое прекрасное изваяние.

Хеби беспокойно металась рядом, ожидая своего хранителя. Наверное, уже проголодалась. В последнее время она только тем и занималась, что охотилась, насыщалась и снова охотилась. Красная драконица стала вдвое больше с тех пор, как Элис впервые увидела ее. Она уже не была приземистым неуклюжим созданием, ее тело и хвост вытянулись, а шкура и расправленные наполовину крылья в лучах заходящего солнца сверкали темно-алым. Бугры мышц перекатились на ее гибкой шее, когда Хеби повернулась, следя за их приближением. Вдруг она наклонила голову и тихо зашипела, словно бы предостерегая их. Элис остановилась как вкопанная.

– Что-то не так? – спросила она.

Ветер унес ее слова, и Рапскаль не ответил. Драконица снова задвигалась и привстала на задних лапах. Она обнюхала юношу и толкнула его. Его тело подалось вперед, но было непохоже, что он вообще заметил Хеби.

– О нет, только этого еще не хватало! – простонал Лефтрин. – Са, смилуйся над ним! Дай парню еще один шанс! – Капитан выпустил руку Элис и бегом бросился к Рапскалю.

Драконица откинула голову и громко затрубила. На какое-то страшное мгновение Элис показалось, что Хеби сейчас нападет на Лефтрина или просто плюнет в него ядом. Но вместо этого она снова толкнула Рапскаля, и опять юноша никак на это не отреагировал. Затем Хеби опустилась на все четыре лапы и уставилась на них, глаза ее вращались. Она, похоже, была чем-то огорчена, что крайне обеспокоило Элис: расстроенный дракон очень опасен.

– Рапскаль, хватит уже мечтать, успокой Хеби! Эй, Рапскаль! – Ветер снова унес ее крик.

Юный хранитель стоял так же неподвижно, как и статуя, к которой он прикасался, и исчезающий дневной свет сверкал в алых чешуйках на кистях его рук и лице. Хеби двинулась было навстречу Лефтрину, чтобы преградить путь, но моряк ловко обогнул ее:

– Эй, дракон, пусти. Я хочу помочь Рапскалю.

– Хеби, не волнуйся, все будет в порядке. Дай ему пройти! – Не задумываясь об опасности, Элис изо всех сил старалась отвлечь внимание встревоженной драконицы на себя, в то время как Лефтрин оперся руками о пьедестал, доходивший ему до груди, и взобрался наверх.

Он схватил Рапскаля и потащил его прочь, стараясь оторвать парня от камня. Когда ему это удалось, хранитель издал какой-то невразумительный крик и внезапно обмяк на его руках. Лефтрин пошатнулся от неожиданности, и оба они опустились на пьедестал к ногам скульптуры.

Хеби беспокойно двигалась, покачивая головой от волнения. Она была единственной из драконов, кто ни разу не заговорил с Элис. Несмотря на то что красная драконица самой первой научилась летать и охотиться, она никогда не производила впечатления особо смысленной, хотя, похоже, вполне разделяла добродушный нрав своего хранителя. Сейчас, когда Лефтрин держал юношу на руках и взволнованно говорил с ним, Хеби была больше похожа на обеспокоенного пса, чем на опасного хищника.

И тем не менее Элис сделала глубокий вдох, перед тем как тоже залезть на помост. Это потребовало от нее гораздо больших усилий, чем от Лефтрина, но она справилась. Капитан стоял на коленях на холодном камне, укачивая Рапскаля.

– Да что с ним такое? Что случилось?

– Он чуть не утонул, – тихо сказал Лефтрин, и в голосе его прозвучал ужас.

Но когда лицо Рапскаля повернулось к ней, Элис увидела лишь ошарашенную, какую-то идиотскую улыбку и полуприкрытые глаза. Она нахмурилась:

– Что?! Да Рапскаль больше похож на пьяного, чем на утопленника! Вот только где, интересно, он раздобыл спиртное?

– Нигде. Он не пьян. – Однако с этими словами Лефтрин снова встряхнул Рапскаля. – Эй, парень, возвращайся. Вернись к своей собственной жизни. Ты нужен своему дракону, да и ночь приближается. К тому же вот-вот разразится гроза. Чтобы перебраться на ту сторону до темноты, нам нужно, чтобы ты проснулся.

Лефтрин взглянул на Элис и принялся командовать, словно бы находился на капитанском мостике, а их корабль попал в чрезвычайную ситуацию.

– Быстро спрыгни и подхвати его ноги, когда я стану спускать его вниз, – велел Лефтрин.

«И когда только парень успел так вымахать?» – удивлялась Элис, выполняя приказ капитана. Когда она впервые встретила Рапскаля, тот выглядел совсем мальчишкой и казался моложе сверстников из-за своего простодушия. Потом, во время наводнения, он исчез вместе со своим драконом, и некоторое время все думали, что оба они мертвы. А когда они снова встретились, оказалось, что Хеби выросла, окрепла и превратилась в полноценного хищника, а Рапскаль возмужал и стал более таинственным – порой он походил на легендарного Старшего, хотя иногда по-прежнему вел себя словно восторженный мальчишка. Как и на всех хранителей, на него накладывало отпечаток близкое общение с драконом. Из-под обтрепанных штанов была видна плотная красная чешуя на ступнях и икрах, напоминавшая Элис плотную оранжевую кожу на лапках у цыплят. И сейчас, когда Лефтрин отпустил Рапскаля и она приняла его вес полностью, чтобы удержать парня на ногах, оказалось, что, как и птица, он весит гораздо меньше, чем можно было ожидать. Его глаза были широко распахнуты.

– Рапскаль? – позвала Элис, но он безвольно склонился на ее плечо.

Лефтрин тяжело спрыгнул к ним и, шумно выдохнув, скомандовал:

– Давай его сюда.

Хеби уткнулась носом в спину Рапскаля, заставляя Элис неуверенно попятиться от пьедестала статуи.

– А ну, прекрати! – велел капитан Хеби, но, когда глаза драконицы начали вращаться, мягко добавил: – Я пытаюсь ему помочь, Хеби. Отойди в сторонку, дай мне немного места.

Уверенности в том, что она поняла, не было, но, когда Лефтрин уложил Рапскаля на холодный камень, драконица отступила на шаг.

– Просыпайся, парень. Вернись к нам. – Капитан легонько похлопал Рапскаля по щекам, затем взял за плечи, усадил и встряхнул.

Голова юноши мотнулась назад, глаза распахнулись, и затем, когда голова снова наклонилась вперед, жизнь вернулась на его лицо. Приветливая улыбка, уже вполне осмысленная, расцвела на лице Рапскаля, когда он поднял на них блаженные глаза.

– Одета к празднику, – сказал он радостно. – В платье из кожи угря, выкрашенной в розовый цвет, в тон чешуек у нее на лбу. Она была нежнее, чем крохотная ящерка на воздушном цветке, а ее губы – мягче, чем розовые лепестки.

– Рапскаль! – резко оборвал его Лефтрин. – А ну, немедленно очнись. Вернись к нам сейчас же. Только посмотри вокруг. Мы замерзли, приближается ночь, и этот город мертв. Са знает как долго. Здесь нет никакого праздника и прекрасной женщины в платье, которую ты описываешь. Возвращайся! – Он сжал лицо юнца между ладонями и заставил того встретить его сердитый взгляд.

Спустя долгое мгновение Рапскаль резко подтянул колени к груди и сильно задрожал.

– Я так замерз! – пожаловался он. – Нам нужно поскорее вернуться на тот берег и обогреться у костра. Хеби! Хеби, ты где? Темнеет! Ты должна отвести нас домой!

Услышав звук его голоса, драконица сунула голову в центр их кружка, вынудив Лефтрина и Элис попятиться. Она широко раскрыла пасть, пробуя воздух вокруг Рапскаля, когда он воскликнул:

– Конечно же, со мной все в порядке! Я просто замерз. Почему мы все еще здесь? Сколько времени?

– Уже вечер, – мрачно ответил Лефтрин. – И мы все еще здесь по твоей милости. Пове- рить не могу, что ты оказался настолько безалаберным и неосмотрительным! Но сейчас мы не станем говорить об этом. Надо как можно быстрее перебраться на тот берег.

Юный хранитель быстро приходил в себя. Элис наблюдала, как он выпрямился, поднялся на ноги и заковылял к своему дракону. Как только он прикоснулся к Хеби, оба заметно успокоились. Драконица прекратила метаться, а Рапскаль глубоко вздохнул и обернулся к ним. Его красивое лицо наконец расслабилось.

Он откинул темные волосы и заговорил как ни в чем не бывало:

– Не будем понапрасну терять время. Бедной Хеби и так придется в третий раз лететь в полной темноте.

– Элис полетит первой, – заявил Лефтрин. – Потом ты. Тебя нельзя оставлять здесь без присмотра.

– Без присмотра?

– Ты знаешь, о чем я. Мы обсудим это, когда будем в безопасности на другом берегу, возле огня.

Рапскаль с обидой взглянул на капитана, но сказал лишь:

– Значит, сначала Элис.

Элис не впервые поднялась в воздух на драконе, но ей казалось, что она никогда не сможет к этому привыкнуть. Она знала: другие драконы не одобряли того, что Хеби позволяла людям взбираться к ней на спину и ездить, словно на выючном животном, – и опасалась, что они захотят положить этому конец. Громче всех возмущалась Синтара, самая крупная из самок. Но не стоило сейчас думать о плохом, сердце Элис и без того отчаянно колотилось от страха. Шутка ли сказать, тут ведь совершенно не за что ухватиться, нет даже самого короткого троса.

– А зачем тебе это? – озадаченно спросил Рапскаль, когда впервые уговорил Хеби отнести Элис на тот берег, а она поинтересовалась, за что можно держаться во время полета. – Драконица знает, куда летит. Просто сиди спокойно, и все.

Лефтрин посадил ее, а драконица услужливо присела, но Элис все равно пришлось карабкаться вверх по чешуйчатому плечу. Она оседлала Хеби, устроившись там, где крылья соединялись с телом. Это было не слишком удобно. Ей пришлось наклониться вперед и положить ладони на шею: эх, жаль, что нет никакой упряжи. Рапскаль научил Хеби взлетать, разбегаясь и подпрыгивая, но остальные драконы считали, что он не прав: они говорили, что нужно просто резко взмыть с земли прямо в небо. Тем не менее каждый полет Хеби начинался со стремительного бега с вершины холма в сторону реки. Затем следовали наклон, резкий прыжок, хлопок, когда она раскрывала крылья, и, наконец, неровное тяжелое биение огромных кожаных крыльев. Элис никогда не была уверена до конца, что Хеби сможет подняться в воздух, не говоря уже о том, чтобы удержаться там.

Но когда драконица взлетела, ритм ее крыльев стал ровнее. Ветер пронизывал Элис насквозь, обжигал ее щеки, пробирался под изношенную одежду. Женщина судорожно вцепилась в чешуйчатую мускулистую плоть. Если она соскользнет, то упадет в холодную реку и погибнет. Никто не сможет ее спасти. С тех пор как беспомощную Хеби унесло наводнением, та боялась воды. Она ни за что не нырнет в ледяную воду вслед за свалившимся седоком. Элис отогнала пугающие мысли. Она не упадет. Не упадет, и все тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.